

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

А.Тестон

Алексей Тестон

Куликовская битва

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49891674

SelfPub; 2020

Аннотация

Меч булатный острее бритвы. Конь вороной быстрее стрелы. Руки дрожат в предвкушении битвы. Русские нынче сильны. Земля дрожит под ногами. Идёт на Москву Орда. В бою удача для сильных, в бою победа для смелых. Год 1380. Будет сеча. Поднимайся от края до края, родная земля. Эпическое сражение, которое решало судьбу всей будущей России. Куликовская битва и её прамактерь битва на реке Воже.

Часть 1. «Вожа»

Вступительное слово

В начале XIII века, после вторжения огромных орд кочевников с востока, перестала существовать Киевская Русь. Спустя столетие народы Руси объединились под рукой Москвы. Появилось новое государство – Русь Московская.

В 1380 году итальянские наемники из Генуи и восставшие кочевники Золотой Орды объединились под предводительством темника Мамаю, чтобы уничтожить Русь Московскую.

Молодое государство ждала самая жестокая проверка на прочность. Предстояла тяжелая битва, в которой победителю достанется все!

Купцам из Европы нужны были новые рынки сбыта и земли, кочевникам – новые рабы. Решался вопрос, будет ли стоять земля Русская, быть ли государству Российскому!

Южная граница Руси. 1378 год.

Дрожит земля, дрожит трава. С нарастающим шумом приближается конница. Брызнула в стороны спокойная речка, вспенился брод тысячей конских копыт, вбирая в себя, как в горлышко бутылки, молчаливую конскую лаву кочевников, уходящую в предрассветный туман.

Зал совета ганзейского союза. В полумраке сидят на лавках вдоль стен европейские купцы. Небольшое окно под потолком освещает только центральную часть зала. В центре стоит один из представителей совета.

– Я отвечу на ваш вопрос. Да, уже немало средств вложено в благородное дело Господне, и еще немало вложится! Мы должны принести Крест Господень в земли варваров, мы должны обратить их в истинную веру. Но сегодня князя Московии объединили все земли от Новгорода до самой границы Крыма. Крым наш, но Московия тоже должна быть нашей!

Небольшой пограничный населенный пункт, обнесенный частоколом. На склоне в тумане виднеются небольшие деревенские хижинки. Полусонные часовые в русских доспехах пропускают в ворота небольшой обоз со свежим сеном. Часовой, позевывая, оперев о частокол копьё, подошел к вознице.

– Чавой-то сегодня сена столько?

– Велено на конюшню. Говорят, завтра воевода придет, видать, запас.

Зал совета ганзейского союза.

– Сегодня еще можно разогнать москвитов. Наш союзник в Крыму – Мамай! Под его рукой стоят большие орды варваров-кочевников, местные племена и всякий сброд со всей округи, готовый в любой момент выйти в поход. Много русских проводников и отборные отряды генуэзских наемников.

Отфыркиваясь, кони выносят всадников на другой берег и молча уходят в туман, в чащу леса по наезженной дороге.

Зал совета ганзейского союза.

– Все потраченное золото обернется для нас пушниной, лесом, новыми рабами и новыми землями! Мы сильны, как никогда! Время нанести удар!

Пограничный пункт.

Воз с сеном заезжает в ворота. Стрела впивается в деревянную створку ворот рядом с головой часового. Часовой секунду смотрит на стрелу. Потом, не поворачивая головы, кричит: «Закрывать ворота!». Следующая стрела прон-

зает его шею. Он начинает заваливаться, разворачиваясь в сторону, откуда прилетела стрела. Второй часовой кричит на возницу: «Быстрее! Быстрее!» В воз, в ворота втыкается несколько стрел.

По наезженной дороге без единого крика идет конская лава. Лучник с седла целит в часового. Выстрел. Рядом еще выстрел, еще. Часовой с трудом начинает закрывать одну из створок ворот. Возница хлестанул лошадь с сеном, и она, проскочив ворота, понесла по узкой улочке городка, поднимая дорожную пыль.

Забили тревогу металлом в метал. Часовые на сторожевой башне начали стрелять из луков. На улицу из небольшого домика выбежали трое воинов. Один из них бросил к остальным приказ: «К воротам, быстрее!». И они побежали в сторону ворот.

Часовой навалился на воротину. Она подалась, но в это время в руку, толкающую ворота, попадает стрела, которая «прибивает» запястье к воротам. Часовой продолжает толкать, воротина быстро закрывается. Сзади приближаются всадники. Несколько стрел вонзились в спину часового. Воротина почти закрыта.

Трое воинов уже недалеко от ворот. На их пути сбоку появляется православный священник. Один из воинов, отдававший приказ, на ходу едва кивает священнику, но не останавливается, продолжает движение. Священник уже в спину крестит пробежавших мимо него воинов: «Спаси и сохра-

ни!».

Воротина закрылась. Часовой с криком отрывает прибитую стрелой к воротам руку и поворачивается лицом к нападающим. Сразу несколько стрел пробивает его грудь. Он делает движение в сторону всадников, но следующая стрела отбрасывает его назад, и он падает. В это же время во второй половине ворот появляется один из бежавших воинов, но его сразу встречает несколько стрел. Всадники уже у ворот. Одного из всадников сбивает стрела со сторожевой башни. Еще одного. Кочевники уже в воротах. Один из них соскочил с коня и открывает закрытую воротину. Небольшая рубка еще с двумя воинами – и путь свободен.

Зал совета ганзейского союза.

– Нас благословит сам Папа! Это будет еще один крестовый поход! Никто еще не смог нас остановить! Пал Константинополь! Пал Иерусалим! Так пусть падет и Москва!

Пограничный пункт.

На середине узкой улочки городка стоит священник, он один. Крест в его руках поднят над его головой. На него скачут всадники, прорвавшиеся через ворота. Священник поднимает к ним обе руки: «Стойте, именем Господа Бога за-

клинаю вас!». Удар саблей, и тонкая полоска крови образовалась на лбу священника. Всадники продолжают свое движение. Священник падает. Рядом с его лицом взбивают дорожную пыль конские копыта. Глаза его медленно закрываются. Рядом в пыли лежит крест, кровь священника набегает на него, и ноги Христа на фоне конских копыт обгаются кровью.

Издали видно, как в городке вспыхнул пожар. Потом еще один. Ворота распахнуты. Рядом лежат убитые часовые. Дым поднимается и застилает восходящее солнце.

Москва. Великий князь Дмитрий Иванович в палатах держит совет со своими боярами и воеводами.

– У Бегича пять или шесть туменов – это большое войско. Нам в короткий срок не собрать столько людей. Ближайший доступный союзник – Олег Рязанский, но даст ли он людей, вот в чем вопрос.

– Княже, мы соберем много. Мы соберем почти столько, сколько у Бегича, – говоривший встал, небольшая борода вызывающе топорщилась. – Москва даст ополченцев, купцы деньгами помогут!

– Пока мы пешие будем бегать, ордынцы нас обойдут, как захотят. В пешие ратники можно только самых быстрых брать, это дело будет спешное. А без рязанцев тяжело нам будет. Вот если бы они с нами встали, но Олегу невыгодно

себя подставлять. Мы его особо не убереем. Сегодня он нам поможет, а на следующий год сожгут Рязань, – седой боярин говорил, не вставая, опираясь на посох.

Все разом загудели, заговорили вполголоса. Князь встал.

– Тихо, воеводы, тихо, бояре мои. Что зашумели, как на базаре. Дело говорите. Как пешим за конницей бегать, это я и сам знаю. Нам нужно решить: либо дань отдать, либо войско собрать.

– Войско, княже!

– Войско!

– Войско!

Князь поднял руку.

– Говори ты, Тимофей.

Окольничий Тимофей Вельяминов, огромного роста, с пудовыми кулаками, оглядел собрание неспешным взором, как будто оценивая каждого перед боем. Под его взглядом все умолкали, прятали глаза либо выпрямлялись, подтягивались. После он поднял глаза на князя, кашлянул, снова устремил свой взгляд перед собой, точно высматривая ответ. Наконец, молвил:

– Великий князь, за время твое княжения мы прошли много сражений и войн. Народ наш устал. Но выбора у нас нет. Бегич идет разорить нас либо собрать с нас дань. Послал его Мамай – он не хан, но хочет быть ханом. У себя ему не усидеть. Чингизиды его не потерпят. Купцы генуэзские на Москву его натравливают не один год: и деньги сулят, и лю-

дей ему покупают. Рано или поздно Мамай придет к нам сам. Но тогда у него может не быть войска Бегича. Тогда нам будет легче. А заплатим дань, Мамай еще сильнее станет, тогда нам несдобровать. А если проиграем сейчас, то не стоять Москве и нам не быть живу. Даже если Бегич не разорвет нас, соседи добьют. Посему надо собирать всех, кого сможем. И к Олегу Рязанскому посла отправить надо. Если не встанет с нами, то пусть хоть с ордынцами заодно не идет, все легче, – окольничий посмотрел на князя, ожидая его ответа.

Дмитрий Иванович глаз не отвел. Кивнул своему старому другу. Сказал негромко, но как громовое эхо отразилось в палатах:

– Быть по сему!

Москва. Кремлевский двор. Один из дружинников делает досмотр небольшой группе ополченцев. Осматривает мешок одного из них.

– А это что? Ты что, на зимовку собрался? Сказано же: идем налегке! Ты бы еще печь с собой прихватил!

Рядом парадное крыльцо двора. У крыльца двое всадников в доспехах княжеских дружинников ожидают третьего, который держит коня за уздечку и слушает склонившегося к нему с крыльца Тимофея Вельяминова.

– Ты аккуратно скачи. Не нарвись случаем на разведку ордынскую. На обратном пути постарайся сам немного разню-

хоть, но далеко не заходи. Что сказать князю Рязанскому, запомнил? Но запомни и главное: князь Рязанский супротив Орды не пойдет, не сможет он идти воткрытую и сказать тебе этого не скажет. Поэтому твое дело – не просто слушать, но и услышать, если он нам помочь готов. Понял?

– Как же не понять, Тимофей Васильевич. Ты уже третий раз одно и тоже талдычишь.

Тимофей вскинулся. Сжал один кулак.

– Это кто тут талдычит, Проша? Забываться начал?

Проша запрыгнул на коня, не дожидаясь помощи от кулака окольничего.

– Сделаю, все сделаю, Василич!

Развернул коня и погнал к воротам. Двое других всадников ринулись за ним.

– Чистый басурман, тьфу,– и тут же, перекрестив уезжающих вслед, Тимофей вернулся в палаты.

Палаты Великого князя Московского. Дмитрий Иванович, обрывая разговор с кем-то из бояр, повернулся к вошедшему Тимофею:

– Людей всех приняли, разместили?

– Да, княже, и доспехи с оружием подобрали. Сегодня

остатнее подгонят, подчистят, поспят, а завтра можно выдвигаться.

– Добро, Тимофей. Завтра пеших выдвигай поутру. Я с дружиной нагоню тебя.

– Да, княже.

С рассветом пешая часть войска покидает Москву. Уходят молча. Крестятся на купола церковные. Последним из ворот выезжает окольный Тимофей и князь Дмитрий Иванович.

– Обозы вчера отправили к Коломне.

– Хорошо.

– Княже, что разведка ночная?

– Все тоже. Идем к Коломне. Бегича встретить постараемся за нашей землей. Ну, с Богом.

Князь кивнул окольному, и тот поскакал догонять уходящее войско. Дмитрий какое-то время смотрел им в след.

Поздний вечер. Столица княжества Рязанского, город Переяславль-Рязанский (Рязань).

Трое посланников Московского князя у ворот крепости. Ворота закрыты. Двое сопровождающих Прошу дружинника согнулись от усталости. Проша поднимает голову, смотрит

вверх на стражника.

– Открывай ворота, тетеря сонная!

– А ты кто такой, чтоб тебе ворота открывать?

– Ты бы сначала гостей пустил, а потом спрашивал.

– Позубоскаль еще, сейчас стрелой угощу!

Рядом на стене показались еще две фигуры воинов с арбалетами. Один из арбалетчиков целится в Прошку.

– Мы послы от Великого князя Московского к Великому князю Рязанскому.

Арбалетчики исчезли в темноте.

– Подожди.

Стражник обернулся в темноту и кого-то окрикнул. Через некоторое время ворота открылись. Послов встретили несколько пеших стражников и один конный, который обратился к ним:

– Следуйте за мной.

Молча ехали по темным улицам города, никого не встречая на своем пути. Но у княжеского кремля от факелов светло. Кажется, вся дружина собралась. По двору снуют тени, кто-то негромко говорит. На крыльце несколько человек в доспехах, но без шлемов. Их остановили. Властный голос произнес:

– Слезайте с коней.

Их провожатый подошел к крыльцу и что-то сказал одному из дружинников. Последний кивком отпустил его на пост, провожатый сел на лошадь, неспеша поехал обратно.

К Проше сбоку подошли двое.

– Ты посол московский?

– Я.

– Коня оставь, пошли. Князь тебя прям сейчас примет.

Время нынче беспокойное московских послов в торжестве принимать.

Проша передал поводья одному из своих. Сразу на входе увидел у стены двух богато одетых ордынцев. Они молча посмотрели на него, один улыбнулся.

Князь рязанский принял в своей светлице. Горели свечи у икон. В полумраке было видно, что на лавках сидят еще люди.

– Знаю, с чем приехал, – начал Олег Иванович без всяких правил. – Знаю, что князь Московский помощи просит против Орды. Но я верный друг Орды и верный слуга. Мне очень жаль, что слуги не всегда слушают своего господина. Нодобрый господин может не ведать, что творят слуги его. Тебе же, послу предателя и изменника, нечего делать в моих палатах, тебе только со слугами есть и пить на заднем дворе. Пошел вон!

Дверитут же открыли. Провожатый подтолкнул Прошку к выходу, не дав толком поклониться.

– Иди, иди. Не ждали тебя здесь.

На входе опять увидел ордынцев, теперь улыбались оба. Вышел на крыльцо. Провожатый подтолкнул в спину:

– Иди, иди куда сказано.

Проша подошел к своим. Один уже сидел в седле, второй подвел лошадь.

– Что, не принял князь.

– Принял, поэтому домой торопиться надо.

– Может, хоть пожрать раздобудем.

– Нет, здесь у них все стухло.

– Ну почему же стухло? Вам князь сказал, где столоваться.

А вы уже домой обратились. Обижаете.

Из темноты к Проше шагнули сразу двое. Несколько темней обступили верхового. Проша быстро выбирал варианты. Двое, конечно, не помеха, и парни с ним проверенные, но вырваться со двора – не значит уйти из города. Москвичи переглянулись.

– Постой, посол. Не торопись, – заговорил один из подошедших. Видно, что он понял мысли приезжих и сам приготовился, чуть затронув рукоять меча, но скорее по привычке, нападать не собирался. – Худого не сделаем, поговорим, и поедешь.

Проша понял, что шутить здесь не стоит, но и опасности не почувствовал, кивнул своим.

Небольшой дворик недалеко от городских ворот. Коней и сопровождающих оставили за тяжелой двустворчатой воро-

тиной. У крыльца двое, вроде как, сидят без дела. Конюшня справа, там еще один поит коня.

– Зайдем в дом, посол, не стесняйся.

Проша заметил, что у того снова рука на рукояти. Чуть усмехнулся. Пошел к крыльцу. Двое не обратили на него внимания, поивший коня проводил вошедших взглядом.

Зашли в горницу. За длинным столом вполовину комнаты сидело несколько богато одетых воинов. Они повернули голову в сторону Проши.

– Посол московский, – представил провожатый и вышел.

Человек во главе стола со шрамом на левой брови поднял на него властное лицо. Яркая черная борода и огоньки в глазах выдавали человека молодого, но по жестам, осанке и одежде наделенного властью, привыкшего принимать решения.

– Садись, посол московский, отведай, чем Бог послал.

– Спасибо, хозяин, но спешу я.

– Быстрые вы, однако, московиты. Спешит он. Что же ты князю своему привезешь, торопыга? Привет от Бегича? – за столом все заулыбались. – Знаешь, кто я?

– Прости, хозяин, не встречал тебя. А если встречал, не припомню, – посол немного склонил голову в знак уважения.

– Я князь Пронский Даниил. Собираю свой полк, дабы подсобить Великому князю Московскому в трудах его ратных. Пойду от Бегича навстречу к войску Москвы. Каждый переход буду слать людей о своем месте. Пойду скрытно, что-

бы не выдать землю рязанскую, а то вы повоюете, а нам тут с Ордой расхлебываться. Все ли ты понял, посол московский?

– Да, князь. Спасибо за слова радостные. Теперь обратно ехать веселее будет. А как же князь Рязанский? Пропустит ли тебя с войском?

– Ничего ты не понял, посол. Вы что там, в Москве, только скакать быстро умеете? Великий князь Рязанский Олег Иванович шлет Великому князю Московскому Дмитрию Ивановичу большой поклон и пожелания удачи в битве в моем лице, но, – Даниил постучал костяшками пальцев по столу и внимательно посмотрел на Прошку, – но кричать об этом громко не надо, чтобы лишней кровушки не пролилось. Теперь понял?

– Прости, князь, прости. Я в посольствах не силен. Все понял. Все передам. – Прошка поклонился. – Позволь поспешить в дорогу.

– Ну поспешай, москвит. В поле встретимся, – князь кивнул.

За спиной посла сразу открылась дверь. Провожатый ждал.

Когда вышли, Прошка увидел, что его напарники поят лошадей и вполголоса переговариваются с одним из воинов.

– Ну, что языки распустили? – Прошка сердито глянул. Улыбки слетели с его подопечных. – Поехали.

Утро встретили в седлах возле реки. Кони держались друг за другом. Главное, чтобы ведущий не спал. Прошку разбудил всплеск большой рыбы. Спугнули сома, он и ушел от берега. Проша встряхнулся от сна.

– Где мы?

– Вожжа, старшой.

– Слушай меня. Пройдете вдоль реки, посмотрите все. Потом идите на Коломну, если заметите что, особо ордынцев, сразу уходите. В драку не лезть. Ждать вас буду, и чтобы целые оба.

Проша вышел на войско вблизи Кломны. Было видно, что авангард уже подтягивался к городским воротам. Мимо проходили ополченцы. Один из них возвышался над всем строем, как башня.

– Слышь, колокольня, – не удержался Прохор, – ты до боя сильно не высовывайся, а то все враги разбегутся.

– А мне тятя тоже высовываться не велел.

– А ты-таки высунулся? А засунуть тебя не смогли?

Громкий взрыв мужицкого хохота со всех сторон взорвал молчаливую колонну.

Здоровенный детина крутился во все стороны, пытался обернуться на Прохора, но по инерции со всеми прошел мимо.

– Окольников не видали, молодцы? – спросил посол, обращаясь сразу ко всем.

– Да в городе. Поди, уж в бане квас потягивает.

Проша ухмыльнулся в сторону говорившего – уставшего ратника. Развернул коня и поскакал к городу.

Коломна кипела различным людом. Подвозы с провизией, пешие и конные ратники, лоточники плюс посадский народишко. Протолкнуться негде. Среди гомона особенно выделялся надрывный стук железа и вздохи мехов кузниц, которые разместили даже в полевых условиях рядом с домами. Работа шла сутками, кузнецы валились с ног. Здесь ремонтировали и готовили недостающее вооружение для боя, ковали лошадей, подгоняли доспехи.

– Ты что мне суешь? – кричал на одного из кузнецов десятник, держа на ладонях меч. – Он же одного боя не выдержит!

– Чего ты орешь? – кузнец вытирал со лба пот. – Мы и так третьи сутки без сна. За хлеб работаем, не успеваем. Раньше надо было думать, а теперь, что есть, то и берите. Набрал бесштанников, где же на них хороших мечей за три дня наковать?

Проша обернулся на продолжавшего что-то кричать десятника, но кузнец махнул на него (десятника) рукой и пошел к наковальне, стоявшей прямо под открытым небом.

А вот и кремль коломенский. Охрана узнала, но не пропустила.

– Совет там сейчас. Никого пускать не велено, – остановили Прошу в дверях двое караульных.

– Тогда кричи старшего, – Проша спокойно, без нажима, но очень уверенно посмотрел на заступившего дорогу.

Караульный молча кивнул и исчез за дверями. Проша облокотился на перила крыльца. Посмотрел на своего уставшего коня, спросил, не оборачиваясь:

– А что, баньку стопили уже для окольного?

– Про то не ведаю, – улыбнулся второй охранник. – А ты, Прохор, уже по бане скучаешь?

– Я по бабе скучаю, а банька – это исключительно для здоровья.

Дверь распахнулась. На крыльцо вышел первый охранник. Сделал шаг, освобождая дорогу. Кивнул головой в сторону двери:

– Заходи, просят немедля.

Прохор едва заметно самодовольно улыбнулся и, поправляя пояс, вошел в открытую дверь.

Окольный встретил, сидя за столом. Один. Пудовые кулаки лежали на грубом деревянном столе. Посередине стола стоял кувшин и кружка. Казалось, Вельяминов спит с открытыми глазами – не обернулся ни на скрип половиц, ни на во-

шедшего. Видно, вымотался за эти дни. Проша перекрестился на икону в красном углу, постоял, кашлянул.

– А, Прохор, – окольников поднял на него уставшие глаза, – садись. Квасу выпьешь?

– Спасибо.

Прохор любил, когда окольников с ним, простым ратником, разговаривал, как с ровней. Это бывало редко: один на один, в поле, у костра в походе. На людях всегда сила, грозный оклик да пудовый кулак, которого все боялись. Но окольников не пускал кулак в дело – боялся зашибить. Если выводили из себя, ограничивался простой затрещиной, но и она многих валила с ног.

– Говори.

– Князь Олег Рязанский с нами в поле не выйдет.

– Струсил, значит, значит самим все на себе волочь, – вполголоса проговорил Вельяминов. – Ну а с ордынцами он выйдет?

– Не выйдет.

– Ну хоть на том спасибо.

– Шлет он большой поклон Дмитрий Ивановичу и пожелание удачи в битве.

– Ишь ты. Поклоном мы, конечно, всю орду тут распугаем. Мать их за ногу рязанскую! Все у тебя, Проша?

– Да нет.

– Да или нет?

– Ну нет.

– Ну говори, что еще. Что ты цедишь?

– Ну поклон он шлет.

– Что, еще один? Прохор, ты меня не зли. Я устал как собака.

– Тимофей Васильевич, ты же меня сам перебиваешь. Я ведь говорю: князь Рязанский Олег Иванович поклон шлет нашему князю Дмитрию Ивановичу.

В это время кулак окольного сжался в пудовую гирию. Плечи расправились и два уставших газа – уже не уставших, а взбешенных – усталились на Прошку.

– Через Пронского князя Даниила, которому разрешил потихоньку набрать полк из своих и рязанских и тайно идти к нам навстречу, – скороговоркой выпалил Проша. – А про поклоны никому говорить не велено, а просьба вообще ругать его, на чем свет стоит, как ордынского прихвостня, – уже не спеша добавил, сделал наивное лицо и вытянул улыбку, как ни в чем не бывало.

Реакция у окольного была получше многих молодых. Прошка только успел отшатнуться, но был пойман за ворот рубахи и с размаху притянут головой к столу.

Тимофей Васильевич склонился над его лицом. И, глядя Прошке в один перепуганный глаз, не обращая внимания на скребущиеся попытки руками опереться на столешницу, потечески молвил вкрадчивым голосом:

– Скажи мне, Прохор, с каких это пор сыромятные мужики над воеводой смеяться стали? Я же тебя только мечом ма-

хоть учил, где же ты языком молоть научился?

– У Вас... у тебя, Тимофей Васильевич, – залепетал Прохор сдавленным голосом. – Вы как с князем начнете умные речи говорить, я все диву дивлюсь да учусь помаленьку. Но мне за Вами...

– Замолчи, стервец, не гневи.

Окольный резко отпустил Прохора, и тот с грохотом упал вместе с лавкой. Вельяминов, ухмыляясь, наблюдал, как он встает.

– Лавку на место поставь. За хорошие вести спасибо. В людской скажешь, чтобы обходили тебя с дороги по моему распоряжению. Что еще?

– Я своих отправил немного оглядеться. А если что, возвращаться к Коломне с вестями, – Прохор говорил расторопно, немного боязливо и обиженно.

– Это хорошо. Про весть эту кому сказывал?

– Нет. Что ты, Тимофей Васильевич, как можно.

– Как Даниил связь держать будет?

– Обещал гонцов каждый день отсылать.

– Про то, что знаешь, забудь. Иди отдыхай, – хотел еще что-то добавить, но уже поднял руку, на секунду остановил раскрытую над столом ладонь, глянул на Прошку. Едва ухмыльнулся уголком губ, чуть-чуть сощутив один глаз. – Ладно, стой.

Вытащил из сапога нож в тонких серебряных ножнах и положил на стол.

– Бери. За службу княжескую, – улыбнулся уже по-простому, как всегда без лишних глаз. – Но помни, нам сейчас не до шуток. Смеяться после будем. И холопу скажи, чтоб зашел.

Прошка поклонился, перекрестился еще раз на икону и вышел.

– Воевода зовет! – послышался его голос. Дверь тут же открылась, и вошел холоп-прислужник.

– Купцов собрали?

– Со всех дворов, кто в городе, здесь ждут.

– Зови.

– Всех?

– Всех.

Купцы – чуть больше десяти человек – расселись по лавкам вдоль стола и у стен. Перешептывались. Крестились. Смотрели опасливо. Во главе стола сидел окольный с помощниками по обе стороны.

– А что так мало? – спросил Вельяминов одного из помощников.

– Да лавочников что собирать? Им сказали, что, если цены на снесь поднимут, всем головы поотрываем. Торгуют ладно, без нахрапа.

– Ну что ж, хорошо. Тогда к вам дело имею, люд купеческий. Знаю, что вы народ до денег жадный, но знаю, что и даются они нелегко.

– Да уж, золотыми дорога не выстелена, – вставил один

из купцов, поглаживая рыжеватую бороду не поднимая глаз от стола.

– Не выстелена, – повысил голос окольниковый, – но чтобы они из вашего кошма не выпадали, люд ратный за это кровь льет с врагами лютыми. Свою и чужую. А на голодное брюхо да без штанов много не навоюешь! Вы над монетою золотою карпеете, это хорошо. Вашим богатством вся Русь прирастет. Но, чтобы земля наша стояла, надо и вам потрудиться.

– Воевода, – с другого конца встал рослый чернобородый купчина. Все остальные затихли и повернули к нему головы. По богатой одежде видно, что купец один из первых в городе. – Ты нам в глаза не пыли словами красивыми. Все сами знаем. Говори дело. Сколько сможем – дадим.

Собрание зароптало.

– Дадим! Либо сейчас – своим, либо потом – чужим! Дадим. Но меру знай. Бери по надобности. Нас по миру пустишь, кто город кормить будет? Конечно, прижмет – и последнюю рубаху с себя снимешь, но ведь и ты на что-то есть, чтобы эту рубаху сберечь? – купец сел.

– Кто еще сказать желает? – окольниковый оглядел собрание. Все опускали головы, кто-то пробубнил:

– Что сказать, ну что тут сказать?

Вдруг рыжебородый кашлянул.

– Я желаю сказать. Я думаю, ежели помочь, оно, конечно, надо. Хотя, конечно, каждый год надо то, надо се. Только успевай разворачиваться. А работные наглеют, все-то им ма-

ло. А ведь и князю дай, и тому дай.

Вельяминов кашлянул, положил свои пудовые кулаки на стол, посмотрел на говорившего.

Тот, немного смутившись, продолжил.

– Я ведь и говорю. Надо так надо, но лучше товаром. А? Конечно, всегда золотом да серебром брать хотите, ну рухлядь еще, понятно, всегда горазды. А как я монету обратно верну? На что я потом товар брать буду? Потому предлагаю товаром брать.

Он замолчал. Несколько мгновений все молчали.

– Мы тут хорошо начали, и – я надеюсь – хорошо закончим, – окольничий встал. – На самом деле нужно, чтобы вы сами все решили. Мое дело, чтобы вы обеспечили войску нормальную кормежку дней на семь. И всех, кого не успели одеть для боя, одели. Лошадьми бы помогли. И оружием. Понимаю, задача не простая. Но решить все надо сегодня до вечера. Чтоб завтра к подходу Великого князя войско было готово выступать в полном составе, учитывая всех самостоятельнопришедших в Коломну. Меня тут просили не говорить красивых слов, поэтому скажу некрасивые: кто откажется помогать, попросим с помощью кулака. Народ поймет и простит. Не для себя прошу – для дела общего. Есть еще вопросы?

– Семь дней такую провру прокормить тяжело, конечно, – опять вставил рыжебородый.

– Конечно, тяжело. Было бы легко, я бы лоточников позвал. Одними пирожками бы обошлись. Я сейчас уеду войско смотреть, а вы прям тут с моими помощниками обо всем и договоритесь. Договоритесь, купцы?

– Договоримся, договоримся, – зашумели с разных сторон.

Москва. Кремль. Ранее утро. Княжеская конюшня. Возле входа, на улице, князь Дмитрий Иванович осматривает своего боевого коня. Конь не оседлан, без уздечки. Ластиться к князю, склонив голову прямо к лицу. Дмитрий Иванович одной рукой треплет его белую гриву. Явно доволен.

Поодаль наготове стоит конюх. Князь повернулся к нему, не отпуская коня.

– Гаврила, левую переднюю подкову еще посмотри. И овес не забудь.

Гаврила засеменял ближе.

– Посмотрю, княже, и про овес я не забыл.

– Все проверишь, поест – и седлай. Подведешь к крыльцу. Скоро выдвигаемся.

Князь еще раз провел рукой по гриве, по шее, как будто советовался со своим старым другом перед дальней дорогой.

Взвешивал все «за» и «против». Конь заржал и резко поднял голову вверх. Князь и конюх невольно тоже подняли головы.

– Смотри, княже, орлы, – Гаврила указал рукой на двух орлов, высоко паривших в небе. – На хороший знак тебе конь указал, княже.

Великий князь улыбнулся одними губами, оставаясь в своих мыслях.

– Да, Гаврила, да, – взял коня двумя руками за морду и притянул к себе. – Спасибо, родной, спасибо. Пора.

В это время раздался колокольный звон, и князь заспешил в палаты.

Кремль. Князь Дмитрий Иванович со своими боярами держит последний совет перед походом.

– Сегодня выступаем, – начал князь. – Что у нас не готово?

– Все готово, Великий князь. Войска собраны. Провианта на пять дней. Обозс провизией за Вами выйдет, в Коломне будет ждать распоряжений, – говоривший боярин сел.

– О войсках я с вечера все знаю. Все ли готово на случай осады? Никто не знает, вернемся ли, нет, а город устоит ли?

– Времени на подготовку мало совсем. Да и войска основные уходят. С бабами много не навоюешь, – продолжил первый боярин.

– Провизии хватит месяца на два, – вставил второй.

– Ты, Великий князь, лучше вернись с победой. За нас не думай. Задние мысли, они только отвлекают. Все, что могли, тебе собрали. А ты пропадешь – и мы пропадем. С осадой, без осады – столько войска собрать не скоро удастся, да и веру людскую не сразу вернешь. Ты иди и победи. И вера тогда станет сильнее, и народ сильнее, – поднялся митрополит Московский.

Собравшиеся закивали согласно. Многие смотрели на князя молча, ожидая его слова. Но князь молчал, обдумывая слова монаха.

– Ну что же, – встал Дмитрий Иванович, – если других слов нет, то и говорить не станем.

Князь подошел к митрополиту.

– Благослови, отче, в поход на врага, – и опустился перед ним на колени.

Все остальные встали со своих мест, ощущая торжественность минуты. Митрополит снял с себя крест, перекрестил князя.

– Иди и не бойся ничего. С тобой Бог и весь люд православный. Иди, сын мой, иди к войску, и пусть не дрогнет рука твоя, – отнял крест от губ князя и отступил на полшага, отрывая проход к выходу из палаты.

Князь поднялся и пошел к дружине.

К крыльцу подвели коня с притороченным щитом. Конные ратники стояли с двух сторон от крыльца уже на лошадях. Кони нетерпеливо перебирали ногами. На восходящем солнце ярко блестели доспехи дружины. Колыхался на легком ветру княжеский стяг. Князь посмотрел в небо. Два орла как будто ждали его, не улетали, кружили над городом. Дмитрий Иванович легко вскочил в седло. Гаврила подал поводья. Конь послушно развернулся под знакомым седоком в привычном направлении.

– Добудем победу, братья мои, – князь едва тронул коня, и тот пошел к кремлевским воротам. За князем потянулась дружина и остальные всадники.

За воротами, несмотря на ранний час, толпились люди. Везде вдоль улиц, по которым проезжали всадники, стояли москвичи. Они стояли молча, они смотрели на них, на своих защитников. Они молили их о победе, они молили их всех вернуться домой живыми, но они молчали, не смея нарушить эту прощальную тишину. Было слышно пение птиц, беспечно встречающих новый день. Под этот щебет они молча ехали через свой город мимо тех, кого оставляли ждать, как делали это десятки раз их предки, как вновь приходится делать им. Вдруг на одной из улиц тишину разрезал детский голос.

– Тятя, тятя, не уезжай, останься!

Мальчишка лет трех в одной рубаше до колена вырвался от матери и бросился к одному из всадников прямо к лошадям.

Мощные руки подхватили его с земли. Отец поднял его на руки перед собой и выехал из колонны.

– Ну что ты, сынок. Мы же с нашим князем, мы вернемся, – и отдал его подбежавшей жене. Потом нагнулся и поцеловал свою любимую.

– И ты, жена, не бойся, мы вернемся. Слышь, люд московский? Мы вернемся! Мы вернемся с победой! – и поскакал вслед товарищам.

Как бы подхватывая его слова и стараясь донести их до всей земли, зазвонили колокола. Заиграло на церковных куполах лучами солнце, а в ярко синем небе продолжали кружить два орла, провожая в поход русское войско.

В походном порядке, на лошадях, Дмитрий Иванович разговаривает с одним из дружинников:

– Поскачешь вперед до Коломны, передашь окольному, что я в город заходить не буду. Пусть сам двигается к Оке. На всякий случай пусть будет готов к переправе. На месте все решим. Все понял?

– Понял, княже. А мне обратно к тебе возвращаться или с воеводой до Оки?

– С воеводой. Скачи.

Дружинник умчался вперед, поднимая пыль. Колонна легкой рысью продолжала движение. Ветер стих. Пыль ты-

сяч копыт не успевала ложиться на землю, поднимаясь над ратниками. Поэтому нельзя было рассмотреть, сколько их и где кончается эта бесконечная вереница конных, выныривающих на бугорках и вновь исчезающих в серой бесформенной массе. Только по дрожи земли можно было догадаться, что это идет не княжеская сотня. Идут конные полки Руси Московской среди бескрайних полей в бескрайние поля без конца и без края.

Коломна. Двор коломенского кремля. Раннее утро. Возле крыльца окольничий разговаривает с дружинником князя, посланным предупредить о выдвигении к Оке. Недалеко во дворе на коне крутятся Прохор, рядом с ним два его товарища, вернувшиеся из разведки.

– Илья, возьмешь еще двоих, – воевода, зевнул, – и дуй обратно. Скажешь, что разведка сообщила, что Бегич двигается по рязанским землям. С тобой поедет Прохор. Даже если тебя убьют, он должен доехать до князя. Понял? Мы его здесь ждали, но раз не приехал, значит, надо в пути сообщить, вести очень важные, и знать их никому до поры не положено. Понял?

– Понял, воевода. Так, может, вот тех двоих и возьму? – дружинник кивнул наразведчиков с Прохором.

– Нет, эти пусть отдохнут. Пять дней в дороге. Прохор

возьмет из моей охраны. Я распоряжусь, пока ты ешь. И не затягивайте, время дорого.

Коломна. Городские ворота. Из ворот выехали четверо. Все в доспехах княжеских дружинников. Прохор едет в паре с Ильей, за ними еще двое. С правой стороны от них видно раскинувшийся лагерь. К нему со стороны города подъезжает десяток телег, нагруженных оружием, продовольствием, одеждой. В лагере утренняя суeta. Где-то у костра варят кашу, кто-то примеряет новые доспехи. Немного в стороне фехтуют на мечах трое ратников в чистых белых рубахах.

– Ты посмотри, – замечает Илья, – с утра пораньше мечами машут.

– Это сотник серпуховской своих гоняет. Там такие пришли, что хоть сейчас с ними в драку. Одно не пойму, пошто-пешие, – сообщил Проша.

– А обозы с города? Или наши уже подошли?

– Это Тимофей Васильевич постарался. Купчишек местных уговорил. Он у нас, знаешь, как уговаривать умеет?

– Знаю, Проша. Да ведь им деваться-то некуда. Мертвым деньги не нужны. А от ордынцев либо смерть, либо рабство.

Илья немного подхлестнул коня, и вся четверка перешла на галоп, удаляясь от города.

Лесная едва заметная дорога. Небольшая опушка среди леса. К опушке подъехала наша четверка. Прохор остановился на опушке и слез с коня.

– Давай здесь перекусим. Да мне коня глянуть надо, что-то захромал.

Проша соскочил с седла, остальные тоже остановились и стали спешиваться. Илья достал из седельной сумки кожаный бурдюк для питья. Вдруг остановился, прислушиваясь.

– Ты что, Илюша?

Проша сразу насторожился, мельком глянув по сторонам.

– Да, кажись, драка? Не слышишь?

– Да вроде нет.

– Вот опять. Ну точно. Там.

Илья показал немного правее, как раз за поворот дороги. Проша в ответ кивнул, соглашаясь. И бросил одному из дружинников:

– Ты с лошадьми, – вынул меч. – Рядом совсем, пошли.

Втроем нырнули в лесную чащу. Среди небольшой прогалины на той же дороге метрах в ста увидели две телеги. Возле одной лежал простой мужик, видимо, убитый. Еще двое сидели, связанные, спиной друг к другу. Возле них суетились трое. В разномастных одеждах, больше похожих на обильные лохмотья пополам со шкурами. Один был с рогатиной, один с кистенем, третий с саблей. На телеге стоял четвертый,

одетый в добротный кафтан, с луком за плечом и топором на шитом золотом поясе, рылся среди мешков. На второй телеге стоял здоровый мужик. В руках у него была оглобля, которую он время от времени крутил надо головой, отгоняя еще четверых разбойников, пытавшихся подступиться к нему. На телеге ничком лежал еще один мужик со стрелой между лопаток.

Дружинники почти бегом подошли вплотную к полю боя. Из-за криков нападавших их не услышали. Проша выглянул из-за дерева, оценивая обстановку, и повернулся к своим товарищам.

– Есть чем бросить?

Сам переложил меч в левую руку, доставая из-за пояса боевой топорик. В руках у Ильи оказался кинжал, второй дружинник достал два метательных ножа.

– Снимаете двоих, – Проша глянул на два ножа в руках дружинника, ухмыльнулся, – троих возле мужика с оглоблей, я второй телегой займусь.

– Проша, тебе нельзя, мне воевода за тебя голову снимет, – зашептал Илья.

– Потом разберемся, пошли.

В это время оборонявшийся сумел зацепить одного из разбойников. Тот кубарем откатился в сторону, завывая и держась за голову. Стоящий на телеге с луком оторвался от добычи.

– Ну ты упрямый, прости Господи, – сказал он, снимая с плеча лук.

– Бросай палку и беги, если сможешь, – разбойник вставил стрелу и вскинул лук.

Легкий шорох – и лук вываливается из рук. Лучник схватился за правое плечо, из которого торчит топор. Почти одновременно Илья бросает кинжал. Рядом дружинник бросает один нож и сразу перехватывает в правую руку и бросает второй. Илья уже на прогалине с мечом. Двое справа падают, третий, чуть левее, успел немного отклониться, и нож попал ему в плечо, но мужик с оглоблей не растерялся и опустил ее на голову раненного. Четвертый продолжает лежать, держась за голову. Дружинник тоже мгновенно оказывается возле телеги с обнаженным мечом.

Проша выскочил один против трех. С размаху зацепил одного с рогатиной, тот отлетел в сторону, выронив оружие. Но двое других не растерялись, и Прохор едва ушел от сабли. Ложный выпад – и резким движением он поймал руку с саблей. Человек с кистенем за своим товарищем не сумел одновременно напасть. Взмах меча и звон железа о железо, ловко брошенный топор выбивает меч. Это лучник целой рукой неожиданно вступает в битву. От неожиданности Прохор опускает руку и оказывается без оружия. Взмах сабли, кувырок на противника по земле через голову – и Проша вонзает ему в грудь нож – подарок воеводы. Слева появляется второй с занесенным для удара кистенем, не уйти. Илья со

всей силы двумя руками бросает из-за головы меч. Рука с кистенем замирает, рукоять меча Ильи торчит из лохмотьев, нападающего. Все кончено в считанные секунды.

Лучник сидит на телеге, удерживая раненую руку. Мужик с оглоблей еще не слез с телеги, продолжает держать наготове свое оружие.

– Давай слезай, воин, тебе бы в ополчение княжеское, а ты тут телеги охраняешь, – поднимая меч, обратился Илья к мужику. – Что за обоз?

Мужик облокотил оглоблю на телегу.

– Это, боярин, для войска в Коломне по приказу хозяина нашего. Хотели поутру сразу поехать, да колесо подломилось. Пока чинили, задержались. А вестовые ждать не стали, вот оказия и случилась. Остались дети без кормильцев.

– Значит, ты, – Проша развязывал двух мужиков у телеги, обращаясь к лучнику, – обоз княжеский грабишь? Вот доведут тебя мужики до Коломны, поговорит с тобой воевода.

– Поговорит, – лучник, не отпуская раненую руку и кривась от боли, расправил плечи, – и я с тобой погорю еще, холоп княжеский.

– Проша, – Илья перевернул лежащего на земле разбойника, – а мужичок-то их обоих оглоблей прихлопнул.

Проша кивнул и, криво ухмыляясь, посмотрел на лучника.

– А ты, небось, сынок боярский?

– А ты, – надменно ответил лучник, удобнее усаживаясь на телеге, свесив ноги, – не по чину вопросы задаешь. Запрягайте, мужичье, везите меня к воеводе. С ним я и говорить стану. А с тобой, холоп, разговаривать не о чем. После посчитаемся.

– Мужики, – Прохор глянул на смутившихся таким разговором обозников, – вы мне жизнью обязаны. Так прошу, побойтесь, если спросят, скажите, что все разбойники убиты во время боя. Ну, бойтесь немедля!

– Боярин, – ответил за всех тот, что бился с оглоблей, – если надо, то скажем. Ей Богу скажем.

Двое других испуганно закивали в знак согласия.

– Эй, ты что тут задумал! – крикнул лучник.

– Проша, не надо, – ринулся к ним Илья, но Прохор резким движением сдернул одной рукой разбойника с телеги, а второй ударил ножом в грудь.

Лучник захрипел и, согнувшись, повалился на землю. Проша, вытерев нож об одежду упавшего, показал его на ладони Илье и подошедшему дружиннику.

– Хороший нож, – глядя внимательно в глаза то одному, то другому, – мне его сам воевода за службу подарил.

– Проша, мы своих не сдаем, – Илья укоризненно покивал головой и повернулся к мужикам, – мертвяков в лес оттащите и валежником прикройте. Если никто не спросит, ни о чем и не рассказывайте. Все, поехали, привал отменяется.

Коломна. Утро. Двор коломенского кремля. Возле крыльца воевода садиться на лошадь. Рядом десяток конных дружинников. Рядом с воеводой на коне один из помощников, что остался разговаривать с купцами.

– Еремей, – уже из седла повернулся воевода к помощнику, – все ли ладно с войсками?

– Все, Тимофей Васильевич, снеди навезли горы, все не возьмем. С оружием и одежей похуже, но тоже хорошо. Не подвели купцы.

– Что ж, поехали посмотрим, скоро выступать.

Воевода с Еремеем выехали со двора. За ними последовали остальные дружинники.

Лагерь войск у Коломны. Все уже собрано, только пепелища костров дымятся остатками углей. Войска построены в одну колонну. Недалеко стоят городские жители. Среди них видно группу богато одетых купцов, бывших у воеводы. Рядом стоят телеги пустые, с мужиками-возницами, и груженные, с ними рядомконная охрана в легких доспехах – это обоз с собой. Воевода пешком обходит войско, его коня ведут под уздцы, за ним с ним еще трое дружинников. Он здоровается с сотниками, называет их по именам. Подходит к простым ратникам. В конце стоят конные воины, но воевода,

мельком глянув на них и кивнув командиру, направился к толпе горожан. Он остановился пред толпой. Посмотрел на нищих, ютившихся у телег в стороне, и обратился к купцам.

– Я благодарен вам, люд купеческий. Вы сдержали свое слово. Но не я буду благодарить вас. Каждый меч, который вы дали сегодня ратникам, будет разить врагов земли нашей, каждый щит прикроет героев от смерти, чтобы могли защищать землю нашу, а благодарить вас за это будут ваши дети и правнуки, которые будут жить на земле нашей. В это я верю и с этой верой иду защищать землю нашу! Не поминайте лихом, люди добрые, – он вскочил на коня, которого ему подвели, махнул рукой. – Вперед!

Войско тронулось по дороге из города. Вперед поскакал конный отряд. После сам воевода с дружинниками. За ним – пешие ратники и, в конце, обоз с небольшой конной охраной. Молча, стояли горожане, провожая войско. Ни криков прощальных, ни напутствий. Вот уже скрылись за пригорком последние телеги, а народ не расходился, как в оцепенении. Никто не решался пойти первым. Наконец рыжебородый купец покрутил годовой в разные стороны, как бы ища собеседника, и сказал, обращаясь сразу ко всем:

– Вот, видели, а? Благодарить он нас не будет. А? Даже поблагодарить не хотят, во власть-то? А?

К нему повернулся один из стоящих рядом купцов.

– Дурак ты. Дураком и помрешь.

Из толпы вышел здоровый кузнец в фартуке, видимо,

не успел снять или привык уже не снимать за последние несколько дней. Плюнул рыжебородому под ноги и побрел к городским воротам.

Брег Оки. Полдень. К берегу подъезжает авангард московских конных полков во главе с Дмитрием Ивановичем. С небольшой группой всадников Великий князь подъезжает к самому берегу, поднимает руку. Все войско останавливается.

– Разбить лагерь. Ночуем здесь. Разъезд на тот берег. Людей послать навстречу окольному, пусть сюда выходят. У брода заставу выставить.

Распоряжения Великого князя мгновенно начинали исполняться. Поскакали в разные стороны небольшие отряды конных. В это время на другом берегу показались двавсадника. Они явно насторожились, тоже разглядывая встречных, но через несколько секунд, приняв решение, смело ринулись вброд, поднимая множество брызг. Всадники явно знали, что реку, которая в конце лета местами сильно пересыхала, знающему человеку ничего не стоило прейти пешком.

Высланные вперед воины встретили незнакомцев у края берега. Один из них, останавливая коня, крикнул:

– К Великому князю Московскому вестники от князя Даниила Пронского.

Илья, стоявший возле Дмитрия Ивановича, обернулся на князя. Тот кивнул ему. Илья поднял руку и крикнул в сторону прибывших:

– Веди сюда!

Вестовые подъехали. Один из них соскочил с коня, второй подхватил поводья. Группа княжеских дружинников расступилась, пропуская к князю посыльного. Дмитрий Иванович, не слезая с коня, приготовился слушать. Посол поклонился.

– Великий князь! Князь Пронский Даниил перешел реку Вожу у брода, что в двадцати верстах от Переславля-Залесского, просит тебя спешно идти к нему. Ордынцы в трех днях пути, уже по рязанской земле идут. Направление к городу держат. Мы стоим тайно, Великий князь, чтобы себя до поры не выдать. Броды не удержим одни, но если не успеешь, можем ударить в спину ордынцем после переправы. Можем отойти за Оку, но к тебе сюда поспеть сложно. Есть еще броды. Что передать мне моему князю, Великий князь?

– Говоришь быстро, назад уже торопишься, а Даниил говорил, что только москвиты торопливы, – остановил его князь.

Стоявший среди дружинников Прошка улыбнулся.

– Не спеши, отдохни с дороги. Времени мало, но спешка нам ни к чему. Скоро остальное войско подойдет, тогда и подумаем, что Даниилу сказать.

Лагерь конных московских полков у реки. Дмитрий Иванович сидит на бревне возле костра. Смеркается. Конский топот прервал его мысли. Слышен голос Вельяминова:

– К князю проводи!

– Да вон костер его, воевода!

Из сумрака появляется окольный на коне, весь мокрый. Подъезжает прямо к княжескому костру.

– Прими, – бросает уздечку одному из дружинников, прыгивая с коня.

Дмитрий Иванович, не поднимаясь, наблюдает за ним, слегка улыбаясь.

– Здравствуй, Великий князь, – Тимофей Васильевич остановился перед ним, нависая своим огромным ростом.

– Садись, Тимофей, – князь положил руку рядом с собой на бревно, – поешь, чем Бог послал.

– Мне бы не есть, мне бы поспать, княже, – зевая, уселся рядом воевода. – Полки привел. Всех одел, обул, вооружил. Купцы коломенские помогли. Провизии захватили добро, но обозы отстали.

– Спасибо тебе, Тимофей Васильевич, службу знаешь. Но поспать не удастся. Даниил Пронский гонцов прислал, говорит, что ордынцы в трех днях пути от Переславля. Сам он стоит в двадцати верстах напротив города за рекой Возжой с десятью тысячами войска. Предлагает к нему торопиться

либо за Оку к другому броду идти. Еще может пропустить Бегича и в спину тайно ему ударить. Что скажешь? – князь помешал прутиком угли костра.

– Да, закрутил Даниил. И так он может, и вот так. А не подумал, как его ордынцы могут. А они ведь могут еще как. Ты, княже, прости, я с дороги мысли растряс. Сам-то что думаешь?

– Мы с удельными князьями совет держали, пока тебя не было. Кто во что горазд. Многие предлагают, чтобы мы Бегича в лоб встретили, а резанцы их в спину ударили. –

Воевода пил из бурдюка, который поставил с ним рядом кто-то из дружинников. Вытер губы.

– Нет, князь. Не получится так, и никогда не получалось. Бегич нас по частям разобьет. Он тоже воевать умеет. Даниила не иголку в стоге прячет. Больше десяти тысяч собрал. Они, как ни крути, в лесу и у реки следов оставят. У ордынцев тоже воины бывалые, они эти следы увидят и по ним пойдут, тогда всем гуртом на резанцев навалятся – мы можем и не успеть. А развернутся – и нам всыпят.

– Согласен, поэтому думаю идти завтра скорым ходом к Даниилу.

– А не опасно, успеем ли? Да и Вожжа мелковата. Может, здесь. На этом берегу?

– В это время что Вожжу, что Оку пешим перейти можно, если броды найти, разница невелика. Зато ордынцам еще

маневр дадим. Ты смотри, Тимофей, – князь прутиком на земле провел черту, – я знаю место, где стоит Даниил. Здесь брод, а здесь и здесь холмы да овраги. Коннице не развернуться, бой можно только встречный дать. Ордынцы всегда на обходной маневр горазды, но здесь он не пройдет, а мы пеших в центре поставим, на основной удар. А потом уже попробуем конными ударить. А успеть мы успеем. Должны успеть.

Князь посмотрел на своего старого товарища, боевого и надежного друга, опытного воина и полководца. Он знал, что окольниковый сейчас думает, взвешивает каждое его слово.

– Ну а если не пойдет Бегич вброд? Не станет атаковать?

– А что же он тогда делать станет? Назад же не побежит? Там его Мамай с победой ждет. А стоять долго им же хуже. У них за спиной резанцы, они их потихоньку резать станут, не зря же они резанцы! Потом уже никто никуда не уйдет.

– Ну что ж, тоже верно.

– Ну а раз верно, иди и спи, Тимофей Васильевич. Завтра дорога скорая и дальняя.

Первые лучи солнца только показались над горизонтом. Лагерь московского войска. Большой отряд конных по броду переходит реку и скрывается на другом берегу. Великий князь на коне, рядом окольниковый и несколько дружинников

из охраны.

– Тебя с пешими полками оставлю, – говорит князь окольничему, – поспешай, очень поспешай. Дойти надо за один переход.

– Шутка ли, князь. Все не дойдут.

– А ты сделай так, чтобы дошли. Разведка сообщила, что ордынцы в трех днях пути, но это когда было. А могут и поторопиться. Если не успеешь, поступай на свое усмотрение.

–Княже...

– Все! – перебил его князь. Кивнул головой охране и поскакал в сторону реки.

Воевода тяжело вздохнул и продолжал смотреть вслед всадникам. – Не выдай, Господи, – и, подняв голову к небу, перекрестился.

Он был обеспокоен и от этого раздражался. К нему подъехал Еремей.

– Почти все готовы, Тимофей Васильевич.

– Что значит почти, Еремей?

– Все готовы, воевода.

– Пропустите конных. Не толпитесь у брода. И собери мне сотников с тысяцким в сторонке.

Выплескивая беспокойство и раздражение, гневно спросил:

–А где телохранители мои? Спят что ли?

– Не спим, – раздалось сзади из кустов малины, растущих неподалеку, и к воеводе вышел Прохор, ведя коня на поводке, в другой руке он держал шлем, наполовину наполненный ягодой.

Он остановился, лукаво улыбаясь, рядом с окольным. За ним выехали два его напарника.

– Мешать не хотели разговору княжескому. Отведай, Тимофей Василич, ягодка свежая, – и протянул воеводе шлем с малиной.

Воевода взял несколько ягод и посмотрел на Прохора, как в Коломне, перед тем, как схватить его за ворот рубахи. Прохор настороженно отступил на полшага, сделав несколько неопределенных движений со шлемом, то протягивая его воеводе, то отдергивая руку назад.

–И кто же тебя, Прошка, моим телохранителем сделал?

–Вестимо кто, Еремей. Он сказал, что в бою с тобой только лучшие должны быть, а кто ж лучше нас?

– Так до боя, Прохор, еще не доехали. Ладно, останься при мне. А ты что стоишь, Ерема? Мы завтра в поход пойдем? Где сотники? Хватит кашу жрать коломенскую. Собирай всех быстрее, бисовы дети.

Еремея как ветром сдуло в сторону лагеря. Пока они говорили, почти все конные полки перешли реку. Какой-то старательный сотник уже выстроил своих ратников для перехода у реки. Воевода всмотрелся.

–Прошка, это серпуховские уже стоят у брода?

– Они. У них начальник больно строгий. То с утра с мечами гоняет, то уже в поход собрался.

– Сейчас Ерема их начальника заберет, а ты начинай движение. Дорогу знаешь. Нечего людям просто так стоять. Будете пока нашим передовым отрядом. Потом вперед конных пустим, сейчас князь все равно еще недалеко ушел.

– И что, мне с ними до самой Вожи идти?

– Да нет, тебя потом серпуховские обратно сменят. А ты откуда про Вожу взял?

Прошка уже сидел на коне, поедая малину с непричастным видом. Он молча посмотрел на воеводу, не отвечая на вопрос. Воевода молча посмотрел на него.

– Ладно, езжай.

Прошка не спеша, продолжая доставать ягоду из шлема, двинулся к реке. Окольный глянул в сторону лагеря и направился к собиравшимся в стороне командирам. За ним на расстоянии поехали двое охранников.

На поляне, где Еремей собрал командиров, окольный слез с коня. Подошел к командирам, их было около ста человек. Толпа разошлась перед воеводой полумесяцем. Стояли здесь и князья удельные, и бояре известные, и попроще ратники, из десятских до сотников дослужившиеся своим животом.

–Другимой, – начал окольниковый,–я собрал вас, чтобы передать приказ Великого князя. Завтра утром. Утром! Ни днем и ни вечером, а утром мы должны быть у переправы к Переславлю, что в двадцати верстах от города. На Воже. Там нас ждет князь Даниил Пронский со своей дружиной и с рязанским ополчением.Рязанцы одни брод не удержат, но и отступать не собираются. А если мы не успеем, то ни им, ни нам житья больше не будет. Знаю, что такая дорога не легкая. Знаю, что переход будет очень тяжелым и идти придется даже ночью. Но надо, други мои, надо. Все, что не нужно, бросайте на обоз. Все хорошо будет – он позже подтянется, а нет, так и нет.

Пока он говорил, лица стоящих менялись. С возмущенных непосильной задачей, которую как всегда из прихоти командиров нужно из последних жил тянуть на себе, на понимающие и сосредоточенные. Вопросы и реплики повисли в воздухе, и никто не проронил ни звука, когда воевода закончил. Многих опытных воинов пугал даже не сам переход (бывало всякое), не возможность не успеть (эта мысль отлеталась сразу как невозможная). Пугало то, что после такого перехода, возможно, сразу придется вступить в бой.

– Ну, – прервал молчание воевода, – пора выдвигаться.

– А ты с кем пойдешь, Тимофей Васильевич, с нами или с Великим князем? – спросил сотник из простых.

–Я до конца перехода с вами.

– Ну и слава Богу, – перекрестился сотник.

Воевода едва заметно улыбнулся.

– Пора к войскам. Выдвигаемся. На броду не толпиться. Еремей, оставишь одну сотню из московских ополченцев, чтобы обозу помогли.

Командиры расходились по своим отрядам. В лагере почти сразу началось движение. Первые колонны пошли вперед. Еремей распоряжался у реки, сидя на коне, мимо проходящих ратников. Покрикивал на особо ретивых, которые могли смешать полки. В мирное время за подобный окрик от некоторых князей да бояр он мог бы получить и в зубы, но сейчас никто не спорил, только гневные взгляды время от времени заставляли опомниться Ерему, и он в ответ улыбался или разводил руками – дескать, что делать, служба. А когда рядом, на пригорке, остановился воевода, своим присутствием подчеркивая права Еремея в эту минуту, то и смотреть перестали, больше косясь в сторону окольного, и Еремей улыбаться перестал.

Ратники проходили молча, поеживаясь от утренней прохлады и позевывая, кто-то на ходу жевал краюху хлеба, кто-то поправлял амуницию. Многие заранее разулись и несли обувку на плечах или в руках. Последними проходили конные сотни, оставленные Великим князем на всякий случай. Когда потянулся обоз, воевода подъехал к Еремею.

– С обозом закончишь и догоняй.

– Сделаю, воевода.

Окольныйчий вместе с небольшим отрядом дружинников поскакал вслед пехотинцам.

На другом берегу он остановился, оглядывая движущееся войско. Головной колонны не было видно. Она скрылась за небольшим бугром. И от этого создавалось впечатление, что войско вытянулось в нескончаемую колонну, уходящую в неизвестность. Над горизонтом поднялось неяркое солнце. Начинался тяжелый день.

Пехотные полки на марше к Воже. Солнце в зените. По лицам людей видно, что уже устали. Жарко. Идут тихо. В лесу слышно щебетание птиц, стрекот кузнечиков. Нет-нет выскочит к дороге бурундук или заяц, посмотрит на хмурые лица и юркнет обратно в лес.

– Нет, по полю шастать в такую жару не дело, – продолжает негромкий разговор черноволосый простой воин небольшого роста, обращаясь к шагающему рядом седому выдавшему виды крепкому мужику. – Тебе вот часто приходилось в такую жару в поход ходить, а Пахом?

– Не знаю, я не считал. Я больше дома сидеть люблю.

Пахом говорит, не оборачиваясь на собеседника, он явно

не жаждет продолжать разговор. Рядом с ним шагает здоровый парень, которого высмеял около Коломны Прохор.

– А я в такую погоду люблю на озере рыбку ловить, – заявляет здоровяк, он явно молод и первый раз в таком деле.

– Тебе бы и сейчас дома посидеть, – говорит ему Пахом с досадой в голосе, – рано тебя тятка на войну отправил. О чем только думает. Ты, Афанасий, если что начнется, держись меня. И когда своей дурой махать начнешь, по сторонам гляди, а то нас зацепишь.

Дурой Пахом назвал кистень, висящий на поясе Афанасия, явно сделанный под руку гиганта.

– Это ты верно заметил, Пахом, зашибет он нас по дурости. Надо бы ему что поменьше дать. А лучше дубину простую. Ты им хоть махать-то умеешь, Афоня? – обратился он в конце к парню.

– Вот ты, дядя Митяй, все время всякие глупости говоришь, меня же Семен-кузнец учил. Он мне и кистень специальный сделал. Говорит, что мне только им и махать.

Дорога, пошла через лес. В тени идти было веселей. Митяй с удовольствием вздохнул полной грудью лесную прохладу.

– Красота... Эй, где там сотник, привал бы объявили. Целый день без остановки топаем. Ноги отвалятся! – крикнул Митяй вперед.

И в это время как будто специально для него разнеслось: – Стой! Привал! Есть, пить, не расходиться!

Колонна остановилась, и все, кто где стоял, уселись на землю. Кто-то сразу стал развязывать заплечные торбы. В руках появилась различная простая снедь: яйца, хлеб, сушеная рыба. Забулькали бурдюки.

– Нет, ну ты слышал, Пахом, какой я счастливый. Только попросил привал – и вот тебе привал. В лесу в прохладце. А не пошел бы ты со мной, сейчас бы на солнцепеке загорал.

Пахом, лежал, полуприкрыв глаза и заложив руки за голову. Он даже не повернулся в сторону Митяя, но вдруг громко сказал:

–Афоня, хватит лакать. Еще идти незнамо сколько.

Здоровяк послушно опустил от лица бурдюк. Вытер стекающую по подбородку на грудь влагу. Удовлетворенно улыбнулся. Капельки пота блестели у него на носу. Он явно устал, и у него не было сил даже говорить.

– И то верно, – тут же встрял Митяй, – много пить будешь, потом будет тяжело. Дай-ка мне глоточек сделать.

– А где же твой, дядя Митяй? – спросил Афоня, протягивая ему бурдюк.

– Да там совсем мало осталось, что-то я не рассчитал. Товарищей в дороге угощал.

В это время Прохор резко сел и положил свою руку на протянутый бурдюк. Внимательно посмотрел на Митяя. Тот недовольно вздохнул и убрал протянутую руку.

– Убери, – повернулся Прохор кАфоне.

К ним подошел сотник приблизительно одних лет с Пахомом.

– Ну что, отдохнули? Собирайтесь потихоньку. Полежать не дадут. Не слышали еще, наверное, нам сегодня надо без остановки топтать почти до Переславля.

Пахом, не вставая, посмотрел на него недоверчиво.

– Шутить изволишь, сотник?

– Да какие шутки. Воевода говорит, хоть всю ночь идите, а к утру надо быть на переправе, иначе, говорит, ордынцы нас перехватят.

– А там, на переправе, они нас после такого похода как детей перережут.

– Ты, Пахом, не умничай. Они нас и здесь перережут, если не успеем. Вы, главное, дойдите.

– Нет, все не дойдем. Ты, сотник, скажи воеводе, что все не дойдут.

– А я ему и хотел сказать, что все не дойдут.

– Так что не сказал?

– А как тут скажешь. Он сразу говорит, все знаю, но надо дойти. А раз знает, что я ему скажу?

– И что теперь?

– Что теперь? Ты, Пахом, у нас десятник. Вот твоя десятка должна вся прийти. Вся, Пахом, до последнего человека прийти и, если надо, помереть, но уже на переправе. Понял?

– Понял, Кондрат, что ты у нас сотник, ты и думай, как дойти всем, а за мою десятку я сам попекусь. Понял? – почти

злобно закончил Пахом.

– Ну вот и хорошо. Поднимайтесь побыстрее. Пахом, – сотник замолчал на секунду, – ты прости, если что, но надо. Надо, ребяташки мои.

– Подъем! Подъем! – раздалось сразу спереди и сзади от говоривших. Началось движение.

Берег Вожи. Передовой конный отряд Великого князя. Во главе отряда Илья, с ним около сорока человек. Они подъезжают к небольшому холму, с которого открывается поле напротив брода. Возле холма в кустах укромно стоят три коня с одним охранником из московских дружинников. Еще двое на вершине холма осматривают окрестности. Отряд по поднятой руке Ильи с осторожностью останавливается возле коней. Все напряженно осматриваются по сторонам, прислушиваются. Илья, не слезая с лошади, обращается к охраннику одним кивком. Тот в ответ отрицательно качает головой.

– А рязанцы?

– Нету, все просмотрели, – негромко говорит дружинник.

В это время раздвигаются кусты рядом с лошадьми. Все приготовились к бою. Трое лучников мгновенно нацелились в сторону зарослей.

– Тихо, тихо, тихо, – в полный голос раздалось из кустов, и к отряду вышел сам Даниил Пронский, а с ним еще трое

воинов. – Лапти вы московские. Кто же так смотрит? Мы бы вас, как курей, пощелкали, да решили ордынцам оставить, может, у них рука послабже. Да нет их здесь, подождать придется.

Илья соскочил с коня. Поклонился князю. Все опустили оружие, наступила разрядка. На лицах появились улыбки. Даниил оценивающе глянул на Илью, как бы раздумывая, он ли старший и, решив, что больше некому, обратился:

– А где Великий князь?

– Он с основным конным войском идет. Скоро будет. Нас вперед выслал.

– Как звать?

– Илья, – чуть склонив голову, ответил дружинник.

– Вот, что Илья. Вы дальше со своими ребятами не ходите. Здесь останьтесь. На той стороне мои дозоры стоят, ордынцы их не проскочат. Как князь подъедет, свистни погромче, мои услышат – мне скажут.

– Исполним.

– А пешие когда будут?

– К утруждать надо.

– Успеют?

– Должны успеть.

– Значит, до утра бояться будем. Ну, бывай. – Даниил шагнул обратно в сторону зарослей.

Стоящие все это время за ним воины расступились и беззвучно исчезли за ним в лесу.

Илья посмотрел им в след, потом перевел взгляд на дружинника, охранявшего лошадей. Последний стоял, потупясь, готовый принять любые упреки и наказание. Илья только хмыкнул.

– Василько, скачи к Великому князю. Выведешь сюда. Остальным спешиться, костры не жечь, не разбежаться. Быть наготове! – отдав распоряжения, Илья стал подниматься на холм к дозорным.

Пешие полки. Солнце на закате. Прошка на коне рядом с воеводой. За ними два его напарника. Подъехал Еремей. Мимо идет колонна. Лица у воинов хмурые, уставшие.

– Осунулись совсем наши ратники, – говорит воевода, сам утирая со лба пыль и пот, – Прошка, надо бы людей прибодрить.

– А как их бодрить-то, Тимофей Васильевич? – встрепетнулся Прохор.

– А ты скажи, что рязанцы нас ждут на переправе. Что перебьют их без нас. И надо идти на выручку быстрее, проскочи вдоль войска. Пусть все знают.

Прохор отъехал немного вперед и, подстроившись под шаг колонны, заголосил:

– Слышь, служивые. Пока вы тут телепаетесь, как кобыла

беременная, рязанцы всех супостатов перебьют. Шагать-то веселей надо, а то нас бабы засмеют. Скажут, куда это вы, мужики, ходили, а врага не находили?

– Ты бы сам-то пошагал, посмотрели бы на тебя, – крикнул один из проходивших рядом.

– Да что вы, братцы, я же больше вас страдаю. У меня просто место другоенапрягается.

Вот ты устанешь, придешь, ножки вытянешь и ляжешь, а я всю ночь мучайся кверху задом.

Негромкий смешок прокатился по рядам.

– Давайте, ребяташки, веселей. Нам еще топать и топать. Не бросать же православных один на один с ордынцами, надо успеть! – Прошка прищпорил коня и умчался вперед.

Воевода обратился к Ереме, глядя на солнце:

– Сядет скоро, в темноте не разбрестись бы отрядам. Скачи к обозам, Ерема, возьми там смолы и паклю. Там есть. Распорядись сделать факелы на каждую сотню. Штук по пять, чтобы до рассвета хватило. Возьми конных, чтоб раздать. Хотя нет, факелы пусть сами на ходу делают, раздайте только смолу и паклю. И обоз поторопи. Все щиты там. Они должны с нами ноздря в ноздю прийти.

Князь Дмитрий Иванович подъехал к подножию холма, у которого его дожидался передовой отряд во главе с Ильей.

Один из наблюдателей на вершине холма громко свистнул. Князь тревожно глянул на холм и остановился, не зная, то ли слезать ему с коня, то ли нет. Илья понял недоумение князя и быстро пояснил:

– Великий князь, это о твоём приезде Данииле Пронскому сообщили. Скоро он прибудет. Ордынцев нет. Позицию здесь заняли. Поле хорошо видно. У рязанцев посты за той стороной.

Дмитрий Иванович слез с коня, разминая затекшие руки и ноги после длительной езды, подошел к Илье. Заметил недалеко разложенную на плаще снедь и бурдюк с питьем. Илья поймал взгляд князя.

– Отведаешь, княже, чем Бог послал?

Передовой отряд в полном составе расположился рядом. Костров не жгли, лошадей не расседывали, разговаривали вполголоса. Князь одобрительно кивнул и почти точь-в-точь как Илья подал команду прибывшим с ним полкам.

– Спешиться, костров не жечь, не расходиться!– и повернулся к Илье. – Ну корми.

Сумерки. На самой вершине холма стоят князя Московский и Пронский. Рядом, не мешая разговору, расположились два наблюдателя. С коломенской стороны видны рассыпавшиеся по всему пространству ратники вперемешку с лошадьми, в сумерках фигурки стали расплывчатыми. Перед

бродом чистое поле, только кузнечики стрекочут, не умолкая. Вдруг на поле со стороны брода выскочил всадник. Он во весь опор мчится к холму.

– Ну что, Великий князь, не перевернет ли этот вестовой часы нашей жизни?

– Нет, Даниил, не перевернет. Даже если ордынцев запри- метили, то переправляться они сегодня не будут. А завтра еще посмотрим, чья возьмет.

Вестовой, не сбавляя хода, доскакал до вершины, спрыгнул с коня, глотая воздух, оба взмокли.

– Ордынцы, передовой отряд. Немного, – словно выстрелил. – Верстах в трех остановились, ночевать, по всему, будут.

– Дождались родимых, – Даниил сплюнул в траву.

– Дождались, – спокойно заметил Дмитрий Иванович. – Теперь можно и ко сну готовиться.

До утра они не сдвинуться.

– А может быть, – начал Даниил.

– Нет, не стоит, – прервал его князь Московский.

– Тоже верно. Как скажешь, Дмитрий Иванович.

Пеший отряд московского княжества. Ночь. Факела. Колонну обступает то темный непроглядный лес, то туман, на- крывающий поля и лощины. Впереди едва видать спины то-

варищей. В темноте слышен топот уставших ног да охрипший голос сотника: «Давай, давай ребятушки, немного осталось». Пахом сосредоточенно суров, шагает собрано, как стрела, нацеленная в одну точку. Афоня размашисто ступает рядом, вытирая пот со лба и опасливо озираясь в темноту. Митяй как будто и не устал, грызет какой-то сухарь, едва поспекает за Афоней.

– Ты молодой, такой здоровый, взял бы да меня подвез. Смотри, какая у тебя горбушка широкая.

– Тебе, дядя Митяй, – серьезно отвечает Афоня, – надо было в лошадные записываться. У тебя ноги сильно маленькие пешком бегать.

– Зато язык у него длинный, девать некуда, – вдруг недовольно вставил Пахом.

– Вот всегда ты так, – затараторил Митяй, – а за разговором идти веселее. Я поговорю и мне как-то легче становиться. Опять же, может, последние часы разговариваем, так мне хоть наговориться напоследок, так и тут ты мне рот затыкаешь. Я, может быть, должен сказать очень умную мысль. Она у меня давно в голове сидит, а тут такое дело.

– Тьфу, балабол, – и Пахом снова погрузился в свои мысли.

Дорога повернула. За поворотом скрылся факел сотника, стало совсем темно.

– Не отставать, не растягивайся, – донеслось со спины.

– Веселей, православные, рязанцы нас ждутне дождут-

ся. Уже все пироги мамкины съели, одна конина ордынская осталась, хоть на конину успеть,— раздался недалеко голос Прохора. Афоня улыбнулся широкой простецкой улыбкой и зашагал веселей.

Прохор едет с Еремой рядом. В руках факел. За ними воевода, один. Спит одним глазом. Прохор щелкает семечки. Улыбается Ереме.

— На, погрызи, легче будет.

— Да не люблю я эту заразу, Проша.

— Как знаешь. Эй, впереди, — крикнул Прохор ратнику, который начал заплетать ногами. — Не спать, ордынцев проспшишь. За товарищем следите, воители.

Воевода встряхнулся от крика, глянул вперед и снова опустил голову. Он не спал уже третьи сутки, благо привык спать на коне.

— Смотри, Проша, небо прояснило, — Ерема зевнул, — завтра жарко будет.

— После такой пробежки нам только жары не хватает, пещие к утру еле ноги волочить будут.

— Помощники, — окликнул их воевода, — двигай в конец колонны до самых обозов. Один там, подгонять отстающих, второй вернуться и доложить. Ерема, и пошли кого-нибудь вперед, от передовых что-то давно никого не было.

— Хорошо, Тимофей Васильевич, только мы, чтобы зря по темну не бегать, обоз подождем прям здесь, а вперед я сейчас кого-нибудь вышлю.

Воевода только кивнул в знак согласия и снова принялся спать одним глазом.

Еремей и Прохор остановились, пропуская мимо себя колонну. Прохор тут же начал подначивать пеших:

– Давай, давай, родимые. Тут осталось-то верст с десятков. Неужто не дойдете? Там впереди коняшками разжиться можно будет, а так все рязанцы уведут. Что тогда бабам скажите? Зачем в поход ходили?

Кто-то из темноты крикнул:

– А тебе лишь бы перед бабой отчитаться, ты смотри, как бы нам перед Богом отчитываться не пришлось.

– Прости дурака, Господи! – перекрестился Прошка. – Слышь, ты, ползающий, да, ты, пока перед бабой не отчитаешься, она тебя никуда не отпустит. Она ж как руки в боки сделает, ей все святые не указ. А вот если ты раньше времени к Господу Богу собрался, то после похода мне что ли за вас ответ держать? Так я ж пупок надорву.

В ответ ему раздался легкий смех со всех сторон.

Лагерь русских у Вожи. Дмитрий Иванович, не раздеваясь, лежит на плаще и смотрит в звездное небо.

– Господи, – шепчет он, – все ты видишь, все знаешь. Сколько мы испытали уже, сколько предстоит еще, но разве

не пришло время дать нам силы, дать нам надежду? Народ наш исстрадался, воюем непрерывно, и лезут к нам со всех сторон – сил уже нет отбиваться, а ведь надо. И завтра надо. И снова, как в последний раз, на самом пределе. Без права на ошибку. Никому не скажешь, Господи, а ведь мне страшно. Страшно не за себя. За то, что если ляжем здесь все, то и дети наши за это ответят, и жены наши на поруганье останутся. Господи, дай нам силы устоять, не побежать и не умереть.

Раздались шаги. Князь поднялся со спины. Не вставая, взгляделся в подходящего. Это был Илья.

–Княже, может, шатер разбить прикажешь?

– Нет. Не видать пеших?

– Нет, княже.

– Разъезд навстречу выслали?

– Выслали. – Илья пытался взглянуться в лицо князя.

– Что пришел-то?

– От рязанцев сообщили, что ордынцы лагерь разбили, констры жгут. Передовой отряд. Завтра к полудню, думаю, подойдут основные силы. Выйдут к переправе. А передовой отряд с утра на разведку пойдет.

– Все?

– Все.

– Иди. Наших ждать будем. Говоришь много, Илья. Надо будет – сам спрошу. Понял?

Дружинник поклонился и отошел.

В лагере все спали вполглаза. Целое поле людей и лошадей. Где-то булькала вода из бурдюка, по силуэту можно разобрать, как пьет человек. Кто-то чистил и подгонял снаряжение, оружие. Едва слышно переговаривались. Время от времени подъезжали сторожевые посты, менялись. Все проходило в такой же тишине. Только одни силуэты рассаживались в поле, а другие на конях исчезали во мраке.

– Не видать?

– Да как тут увидишь?

– Ну, может, слышать чего?

– Да не бойся, нас теперь немало. Сдюжим, поди.

– Тут дюжне дюж, а как навалиться по пятеро на одного, у любого жилы лопнут.

– Да ладно, не скули. Подойдут, успеют.

– Да светать скоро начнет, а не видать.

Рассмотреть можно было только тени говоривших. По голосам оба одного возраста.

Тонкая полоска рассвета, едва забрезжила над полем. Дмитрий Иванович поежился в предрассветной прохладе. Из темноты вынырнул Пронский. Охранники остались на расстоянии, обмениваясь репликами с охраной Великого князя.

– Не слышать?

Даниил присел на корточки. Великий князь отрицательно покачал головой.

– А я не выдержал, Дмитрий Иванович. Дай, думаю, дойду. Вдвоем-то ждать легче. Не возражаешь?

– Садись. Вина отведай.

– Какое вино, князь, – Даниил по-турецки устроился на княжеском плаще. – Завтра, тьфу, сегодня в бой пойдем да ночь не спавши, сморит совсем.

Ночь. Колонна пеших полков в движении. Сотник Кондрат стоит сбоку от колонны, оглядывает проходящих. В руке у него факел. Лицо осунулось. Только взгляд сделался жестче, упорнее. Мимо проходит Прохор с Митяем и Афоней.

– Потерял кого, сотник? – не преминул спросить Митяй.

– Да уж, потерял. Трех не хватает. То ли сбежали, то ли отстали. Да для нас один бес. Прохор! – сотник пошел рядом с ним. – Может, поискать в лесу?

– А что толку?

– Как что, снимет с меня голову воевода. Будешь тогда ты командовать.

– Не суетись, Кондрат. Как мы их найдем? Я даже в своей десятке не всех по именам знал.

Люди не спянные, не проверенные. Опыта нет. Отошел

за кустик, прилег на секундочку и отрубился.

– Он отрубился, а мне воевода голову снимет.

– Ну что ты заладил. Думаешь, у остальных лучше? Переход почти полста верст по лесу да по буеракам. Без сна. Погоди, еще дойдем – посмотрим, сколько свалится.

– Ну и что мне делать?

– Идти, пока силы есть. Сам-то дойдешь?

– Шутки тебе. Родимые! – крикнул он всем. – Дойти надо!

Не спите! Немного осталось, вон рассвет уже зыблется, скоро будем.

– Слышь, сотник, – встрял Митяй, – а как думаешь, наших не раздолбали там без нас?

– Вот ты дура. Да если б их раздолбали, конные давно бы здесь были. Тихо там.

– А как думаешь, мы сразу в драку полезем или погодим маленько?

– Я думаю, что тебя Великий князь лично вперед поставит. Я его попрошу. Чтоб тебе сразу твою башку снесли.

– Эх, что вы за люди такие – начальники. Я же со всей душой за дело болею.

– Иди ты.

Сотник махнул рукой и ушел вперед. Оттуда донеслось его:

– Ребятушки, надо дойти, нас там рязанцыждутне дождутся, потерпи еще чуток. Там же свои православные заслон ба- сурманампоставили, на нас надеются.

– Всем говорю, кто слышит, – вдруг встрепенулся Прохор командным голосом, – кто из моей десятки не дойдет, найду и голову откручу. Всем понятно?

Афоня боязливо покосился на него, поправил кистень на поясе и зашагал бодрее.

Солнце уже поднялось над горизонтом. На холме у реки Вожи стоит Дмитрий Иванович и Даниил Пронский. В напряжении смотрят то в одну, то в другую сторону. Великий князь кусает травинку, держа ее левой рукой. Заметно, как рука дергается с травинкой ко рту и обратно, выдавая волнение. Наконец он сам заметил это нелепое движение, выбросил травинку и убрал левую руку за пояс. Пронский что-то насвистывает, то и дело потирая руки, ходит за спиной Великого князя вперед-назад, вперед-назад. Остановиться, посмотрит по сторонам и опять вперед-назад, вперед-назад.

– Скачут, – крикнул дозорный и указал в сторону реки.

– Ну что, Великий князь. Похоже, не успели. Я ударю сбоку по передовому отряду всеми силами. Показал вправо от холма на лес Даниил. Постараюсь смять и уйду левее. Как черту провел влево левой рукой. Пеших отправлю к тебе на холм. А сам развернусь – и в лоб. Если твои подтянутся, брось их мне в помощь, а сам атакуй сбоку, когда они все на

меня в долину втянуться. Если твои не успеют – не атакуй. Дождись на холмах, поди устоите.

– Легок ты на решения, Даниила. Значит, смотреть, как рязанцы умирать будут, и стоять подмогу ждать?

– А что предлагаешь, Дмитрий Иванович? Нас всего двадцать пять тысяч, они нас сомнут в лобовой.

– Но они-то не знают, сколько нас сейчас. Надо рискнуть. В это время всадник из дозора за рекой добрался до вершины холма.

– Передовой отряд идет к нам! – выпалил, не слезая с лошади.

– Только передовой? Сколько там?

– Нет. На рассвете подошло все войско и двинулось. Пять ханских знамен, пять туменов. Идут осторожно. Мы подождали, чтобы убедиться, куда идут, и я сразу к вам.

– Свободен, обратно не скачи, – Даниил повернулся к московскому князю. – Слушаю тебя, Дмитрий Иванович.

– Ты, Даниил, сейчас выведешь в поле всю свою пехоту и поставишь напротив брода. Также поставишь в пехоту всю свою конницу.

Даниил нахмурился.

– Я расставляю своих конных на холмах пореже, но так, чтобы их казалось побольше. Шатер мой здесь раскинем. Сразу они не пойдут. Поят, подумают. Бог даст, время и выиграем, а там московские полки подойдут. Тогда еще посмотрим, чья возьмет.

– А если не поверят? Если сразу в бой с наскоку пойдут?

– Значит, будем драться. Ты конных за пешими поставь. Если бой начнется, отводи их в лес к коням, пока пешие прикрывают. Я с левой руки выйду. А ты потом с правой поднажмешь. Нам продержаться надо. Иди, Даниил. Времени нет, – он обернулся в сторону коломенской дороги. – Нет, не видать.

Брод у Вожи. Рязанские пешие ратники бегом занимают позицию, выстраиваются в линию против брода. Лучники располагаются перед первой линией обороны. На конях мечутся между рядами тысяцкие и вестовые. «Бегом!» Конные воины в пешем порядке занимают место за пехотой. На холме уже разбит шатер Великого князя. Подняли княжеский стяг. «Быстрее!» На холмах рядами располагают московский конный отряд. Ударная часть дружины, сверкая доспехами на солнце, выстроилась чуть ниже шатра. На холме левее тоже выстраиваются дружинники. Тоже сверкают на солнце доспехи, но их (дружинников) ставят редкой линией. «Торопись!» Лица напряженные, сосредоточенные. Каждый знает, что не дождались москвичей. Каждый знает, что сейчас, возможно, его последние минуты. Выйдут из-за поворота ордынскиетумены, и начнется кровавая песня, последнего дня. Но надо, надо продержаться. «Веселей смотреть, православ-

ные! Пусть нас бояться!». Выстроились полки, сомкнулись щиты передового рязанского ополчения. Заиграл серебряный рожок – готовы к бою. И в это время с другой стороны Вожи вывалились на берег свежие холеные ордынские всадники, остановились в недоумении. За ними еще и еще. Останавливаются, оглядывают поле, холмы, усеянные верховыми, княжеский шатер и дружинников, ослепляющих своими начищенными щитами. И нависает над полем зловещая тишина. Стоят друг против друга два войска, оценивают друг друга. Шагнут вперед ордынцы или нет? Кони перебирают ногами туда-сюда. Не выдерживает один из русских, сдали нервы у молодого всадника перед княжеским шатром. Выхватил меч, блеснувший на солнце: «А-А-А!». И подхватили тысячи голосов. И засверкали мечи на всех холмах. И поднялись над рязанскими щитами булавы да копья. Справа от полков встал на дыбы конь Даниила Пронского, поднял над землей всадника. И князь выхватил меч, тоже закричал, что есть силы. И создалось впечатление, что русские вот-вот пойдут в атаку. И попятились от неожиданности ордынцы. Ощетинились короткими копьями, съежились, пригнув головы к своим лошадям. Кто-то из ордынцев не выдержал, пустил стрелу в сторону русских. Не долетела. А за ней вслед еще тысячи стрел, зарывая солнце, но далеко – не достать. И сразу наступила тишина. И тут Илья, стоявший вместе со всей дружиной, не опуская меча, вдруг повернул голову к коломенской дороге. И увидел, как передовой конный

отряд воеводы Вельяминова с ним самим во главе во весь опор мчится к ставке Великого князя, а за ним из последних сил, подбадривая друг друга, бегут московские ополченцы, на ходу доставая оружие, боясь не успеть к товарищам. И тогда Илья одним движением бросил меч в ножны, приложил рупором ладони ко рту, набрал полную грудь и крикнул, перекрывая все поле, чтобы слышал каждый воин:

– Москва идет! Вижу! Москва идет!

Обернулись стоящие рядом, поняли в эту секунду все, что не перевернулась еще чаша весов в ордынскую пользу. И разнеслось по всему полю с новой силой: «Москва идет! А-А-А!».

Дмитрий Иванович тоже обернулся, облегченно кивнул головой, полуприкрыл глаза. Даниил Пронский не мог видеть подходивших, он всматривался в фигуру Великого князя на холме. Конь крутился под ним, взбудораженный всеобщим ликованием. Московский князь тоже глянул в его сторону, понял, что Даниил не верит, думает, что это может быть лишь клич, чтобы поддержать дух войска. Тогда Великий князь достал меч и поднял его над головой, обращаясь к Пронскому. Даниил понял, тоже выхватил меч и закричал, что есть силы:

– Москва идет, православные! Москва идет! –но его голос потонул в общем потоке.

Брод у Вожи. Бегич в окружении своих ханов и охраны с небольшого пригорка наблюдает за непонятной радостью русских. Все на конях. Еще не принято решение. Еще не ясно, что делать.

– Что скажешь, Карабулук, – Бегич повернулся к одному из своих полководцев.

– Великий мурза, я видел много, но такого не видел ни разу. Русские решили напугать нас своими глотками, которые мы скоро перережем.

– Однако они напугали наших воинов. Смотри, как пятятся от реки первая линия.

– Позволь, я сейчас возьму этих воинов, и они первые ринутся в бой.

– Я не сомневаюсь, что приказы хана выполняются беспрекословно. Но, если бы я хотел, чтобы ты ринулся в бой, я не стал бы спрашивать, что мне делать. Но я понял тебя, Карабулук.

– Позволь сказать, Великий мурза? – обратился хан Коверга.

– Говори.

– Я думаю, русских слишком много и они совсем нас не боятся. А переправа узкая, и мы на ней не сможем хорошо развернуться. Нельзя атаковать сразу.

– Может быть, это западня? Они специально кричат нам,

чтобы мыразозлились и как неразумные бросились в лапы медведю?—предположил Хазибей.

– Что же ты предлагаешь?

– Надо послать разведать еще броды дальше по реке. Самим остаться здесь, а ночью перейти реку в другом месте и ударить по русским с тыла.

– Это разумно.

– Это слова лисицы, а не воина, – надменно заметил Карабулук.

– Умогучего Карабулука и его тумена еще будет время собрать плоды славы, и его рабы никуда не уйдут. А пока пусть Хазибей займется бродом, – пресек перепалку Бегич. – Пусть войско отойдет от реки. Встаньте у холмов на расстоянии двух полетов стрелы. Если русские сегодня такие смелые, пусть сами переходят реку. Мы встретим их. Карабулук, разрешаю твоим воинам подразнить московитов. Они сегодня сильны, но вдруг они и глупы?

– Будет исполнено. Мы сейчас же подергаем их за усы.

Ставка Великого князя на холме. Окольничий, Великий князь и Даниил Пронский. Войска стоят друг напротив друга. Московские пешие полки расположились за холмом, скрытые от ордынских глаз.

– Ты, воевода, своих сейчас схорони, скажи, чтоб никто

не показывался, – говорит Великий князь.– А ты, Даниил, своих конных из пеших обратно в конных переводи и в лесу поставь на изготовку. И нашу конницу с холмов в одно крыло переведем.

Князь говорит уверенно, и лицо у него стало уверенным, сосредоточенно деловым. Нервозность пропала. Даниил тоже спокоен, слушает внимательно, но бровью повел на слова Дмитрия:

– Но так ордынцы поймут, что мы их обманули, и увидят, что нас меньше.

– Все правильно. И ударят. Развернуться им здесь негде. По холмам и по лесу с флангов не обойдешь. А в лоб им наше подкрепление и ударит. Устали люди, – рукой прервал возражения окольного, – но, пока ордынцы бить соберутся, чуть-чуть отдохнут. Первый удар рязанцы примут, у них силы свежие, а потом уже твои в лоб выйдут, – сжал Дмитрий правый кулак, – сеча будет короткая. Ордынцы длинного боя не выдержат, главное – первый час продержаться.

Полководцы разъехались по войскам. Дмитрий остался на холме наблюдать за передвижением войск. Время от времени он сжимал левой рукой рукоять меча на поясе.

Конные московские полки из редких шеренг сошлись в один ударный кулак, и сразу стало видно, что их немного по сравнению с ордынской конницей. Даниил отвел своих всад-

ников в лес. Поле за рязанской пехотой опустело, когда пробежали последние верховые со своими небольшим круглыми щитами. Только дружинники остались сверкать доспехами у холма.

Засвистели, заулюлюкали вдруг ордынцы. Основное войско назад попятилось, а один отряд к самой воде вышел. Кричат что-то, нет-нет стрелу пустят.

Дмитрий сжал меч. Немного подался вперед, обернулся назад, на свою пехоту. Окольный что-то объяснял своим командирам. Взглянул на лес, где должны стоять конные Даниила. Снова на реку.

Ордынцы уже в реку залезли, дразнят. Им рязанцы что-то в ответ кричат. Один лучник смело шагнул вперед к ордынцам на десяток шагов, сокращая расстояние до смерти. Натянул лук и выстрелил. Вздыбился конь в реке под одним из подошедших слишком близко, выскочил из снопа брызг и поскакал к своим без всадника. А всадник со стрелой в груди закачался на мелководье лицом к небу.

Лучник тем временем неспешно пошел обратно к своим, не обращая внимание на зависшую за спиной тишину, которая вдруг взорвалась многоголосым криком. Кричали с двух сторон. Свои показывали ему назад, махали руками, призывая бежать к ним. Стрелок обернулся, в его сторону летело несколько десятков стрел. Все воткнулись в землю в нескольких шагах от него. Он усмехнулся и пошел дальше. По войску прошел облегченный вздох.

Войско Орды. Бегич на том же холме со своими военачальниками. Все на конях. Внимательно смотрят на русский берег.

– Русские обманули нас. Их не так уж и много. Позволь ударить! Мы сомнем их.

– Ты торопишься умереть, Карабулук. Русские отвели часть войска в лес. Зачем? Они что-то замышляют. Я думаю, они готовят засаду, – Бегич не спеша повернулся к стоявшим недалеко всадникам из охраны. – Разбить мой шатер. Вот там. Всем быть готовыми. – И снова к Карабулуку. – Пусть русские атакуют первые, а мы подождем, пока найдут еще один брод. Я не собираюсь засовывать свою голову в западню.

– Но Великий Мамай ждет от нас усмирения москвитов! – не унимался Карабулук.

– Ему нужна дань, а не наши отрубленные головы.

Вечер. Ставка Великого князя. Рядом снова окольный и Даниил.

– Уже не ударят, – Даниил держит в правой руке кусок вяленого мяса и жует, левая лежит на рукоятке меча.

– Не ударят, – подтвердил окольный, стоящий с другой

стороны Великого князя. – Сейчас стемнеет, надо бы костры разжечь, княже. Бусурманы, смотри, не стесняются.

На другой стороне видно лагерь с сотнями огней. Русские продолжают стоять в начинающих сгущаться сумерках. Дмитрий Иванович сомневается, поглядывая на другой берег.

– Ночью не ударят, княже, – снова повторил воевода. – Раз сразу не ударили, значит, ждут чего-то.

– Да проход они другой ищут, – жуя, заявил Даниил, – но я уже везде по реке своих лихих парней расставил. Не дадут разведке даже воду понюхать.

– Хорошо, – принял решение Дмитрий, – но костры жечь только тем, кого ордынцы видели: пешим в поле да конным на холмах. Остальным сидеть тихо. Разъезды вдоль реки пустить из конных. На всякий случай, – повернул голову к Даниилу, заканчивая распоряжение.

– Княже, – зевая, обратился окольный, – позволь мне спать пойти и моим спать. Сейчас больше всего на свете спать хочу.

– Да твои уже спят, только храп стоит. Я велел своим присмотреть за твоим войском, а то твои сторожа только на копье висеть могут, – весело сообщил Пронский.

– Спасибо, Даниил, – ответил Вельяминов.

– Ладно, Тимофей Васильевич, иди спи.

Великий князь повернулся к нему и обнял, отвел руками от себя и, не отпуская, глядя прямо в лицо, сказал:

– Спасибо тебе, Василич, за службу.

– Дай я тебя тоже поцелую, а то страху сегодня натерпелся, пока ты не пришел, – развел руки Даниил.

– Этого еще не хватало! – окольный сжал свой здоровый кулак возле самого лица Пронского князя. – После боя лобзаться будем.

Окольный начал спускаться к своим полкам. Даниил и Дмитрий проводили его взглядом. Великий князь снова повернулся к реке.

– Дмитрий Иванович, ты же опытный воин. Они не пойдут сегодня. Дозоры у нас крепкие, обойти не дадут. А перед любым делом выспаться надо.

– Да, да, князь. Иди. Спасибо тебе за службу и за веру. Поди попрощался сегодня со своей головой?

– Да, уж. Успел у Господа за грехи помолить, – перекрестился Даниил. – Да, видать, решил он меня сегодня не принимать, – улыбаясь, закончил он. – Ну что, Великий князь? Спокойной ночи. Ты зря не томись, отдыхай.

– Спасибо, Даниил. Я не долго.

Пронский вскочил на коня и растворился в сгустившихся сумерках. Дмитрий наблюдал, как на нашей стороне один за другим вспыхивали костры, выхватывая силуэты ратников. В поле, на холмах – по очереди и сразу по нескольку. Когда огни перестали зажигаться, князь снова посмотрел на другой берег. Там тоже горели огни, было слышно, как заржали ордынские кони.

Лагерь русских. Ночь. Дежурные костерки освещают часовых. Вокруг спят, не раздеваясь, при оружии ратники. Конные стреножили коней возле себя. Кто-то во сне стискивает рукоять меча, кто-то проснулся, нервно посмотрел по сторонам и снова закрыл глаза. Московские пешие спят вповалку. Кто-то даже шлем не снял. Афоня двумя руками держится за свой громадный кистень. Митяй прижимает к груди заплечный мешок. Пахом между ними – одна рука на рукояти меча, другую закинул за голову. Лицо разгладилось, прошла суровость, еда заметна улыбка.

На другом берегу дозорный ордынцев подошел прямо к воде, долго смотрел на русский берег. Потом повернулся на оклик и растворился во тьме.

У входа шатра Великого князя едва заметно дремлют, сидя, три охранника. Еще двух можно рассмотреть по силуэтам с другой стороны. Стоятнаготове, вслушиваются и всматриваются в ночь.

Русский берег Вожи. Конный разъезд останавливается у реки. Старший поднимет руку. Трое других приготовили луки. В реку ведет спуск сквозь кусты, открывая гладь воды под звездами.

– Притаись, – громко шепчет старшой, – видать, ордынцы. Смотри, к самому берегу вышли.

На той стороне двое конных. Подъехали к воде, кони склонили головы и пьют. Один из всадников похлопал коня по шее, что-то сказал. Второй ответил, и они негромко засмеялись.

– Сейчас я его сниму, – лучник начал натягивать тетиву.

– Стой, – старшой поднял ладонь, – там еще в кустах кто-то. Видишь, справа чуть шевельнулись не по ветру?

– Нет, я не заметил.

В это время один из всадников упал в воду. А на второго кто-то прыгнул с берега, видимо, сразу нанеся точный удар – конный, не сопротивляясь, тоже повалился. На берег выскочили трое. Быстро затащили трупы в кусты, а тот, что прыгал, взял под уздцы лошадей и бегом повел их вдоль берега. Потом нырнул с ними в заросли.

– Вот это да. Как думаешь, кто это? – обратился к старшому лучник.

– Да, видать, рязанцы работают. Видал, как тихо сняли?

– Да мы бы тоже могли. Прямо отсюда.

– Ладно брехать-то. А то я не знаю, как вы стреляете. Поехали, еще версты три отойдем. Потом обратно. Здесь и без нас разберутся.

Разъезд продолжает движение вдоль берега от лагеря. Через небольшой промежуток времени старшой снова поднимает руку. Теперь всем видно, что кустарник впереди поше-

велился.

– Сашко!

– Здесь я.

– Если что, сразу в лагерь скачи. Понял? – старшой достал меч, не сводя глаз с кустов. – Сразу!

– Понял, – ответил Сашко, нацеливаясь на кусты. Двое других лучников уже взяли свои сектора обстрела.

– Да это же дружинники Пронского, – раздалось из кустов. – Слышь, православные, вы тут поспокойнее.

– А ну выдь, покажись, кто такие? – дозор остался наготове.

Из кустов вышел немолодой ратник в рубахе и кожаном легком нагруднике поверх, с саблей на поясе.

– Не ори, ночь на дворе, – спокойно обратился к старшому. – Своих ждем с того берега. Заставы поставили прямо там, чтоб разведка шибко не бегала. А вы тут гарланите, мечами гремите.

– Ты не шибко выступай, кожемяка рязанская, постреляли бы вас, как курей, – осадил его один из лучников.

– Всяко бывает, – раздался сзади голос у самого стремени лучника.

Рядом стоял человек, демонстративно убирающий нож в ножны. Дозорные обернулись на него. Он похлопал лошадь по боку, не поворачивая голову.

– Пошли уже, там сало порезали.

Двинулся к ратнику у кустов. За ним с другой стороны

от дозора, почти касаясь лошадей, вынырнул второй воин и пошел за ним к кустам. Проходя мимо своего командира, не выдержал, обернулся и сверкнул в темноте улыбкой.

Четверка верховых недоуменно проводила их взглядами в полном молчании. Ратник в кожаном нагруднике кивнул старшему и хотел уйти, но задержался.

– Там впереди еще одна засада. Мы их и так ждем, и эдак. Лучше бы вам дальше не ездить, а то не дай Бог Сашко до лагеря не доедет. Вы лучше за москвичами с тыла приглядывайте, как Даниил велел. А здесь без дружины обойдемся, – он степенно повернулся и скрылся в кустах.

Дружинники какое-то время стояли тихо.

– Во как! – вымолвил старшой. – А ты – «кожемяка рязанская...», они бы нас самих, как курей. Поехали назад, молодозелено. За московитами присмотрим, а то у них совсем народ измотался.

Разъезд развернулся в сторону лагеря.

В это время на той стороне реки раздались крики, зазвенело оружие. Дозорные развернулись к реке, прислушиваясь. Из зарослей вылетела огненная стрела, выхватила из темноты нескольких сражающихся на том берегу, но погасла в воде.

Из кустов выскочило человек пять. Ратник в кожаном нагруднике задержался.

– Дружинник, постой здесь, если что, скажешь, что Семен-заточник не вернулся со своими. Мы в лодку.

– Постой, в какую лодку? А если там ордынцев много?

– Много – не мало, а стрелой отсюда не достанешь, а там свои.

– Я достану, – крикнул Сашко, – подсветите только.

Ратник кивнул и бросился к берегу, подхватив охапку хвороста приготовленного, видно, для сигнала. В лодке двое на веслах, один на носу, третий с луком, стоит посередине. Рванули сразу. Главное – успеть. Звон стали и короткие надсадные выдохи и вдохи перекрыли чей-то нечленораздельный крик.

Дозорные подъехали к самой реке, Сашко спешил и приготовил лук.

– Да не суетись, паря, – обреченно заметил старшой. – Пока догребут, ума бы хватило назад развернуться.

Сашко только глянул на командира и облизнул пересохшие губы. В нетерпении вглядывался в силуэты на реке. Лодка быстро приближалась к другому берегу. Несколько раз там что-то сверкнуло. Кресало бьют. У самого берега в лодке вспыхнул огонь. Ярко занялась обмазанная чем-то вязанка. Семен выбросил ее на берег к сражающимся. Стрелок остался в лодке, а остальные с криком бросились на помощь.

Дозорные видели, как на берегу завязалось небольшое сражение. Разобрать сразу своих и чужих было нельзя. Ордынцы тоже были пешие. Удары сыпались один за другим. Силы были равны. В это время в стороне от стрелка выехали трое конных. Стрелок их не видел, целился в дерущихся.

Всадники с саблями наголо приближались к лодке.

– Эй! Сзади! Обернись! Обернись! – закричали дозорные.

– Не поймет, – бросил старшой.

Свистнула стрела. Сашко сразу вставил вторую и начал целиться. Один из скачущих упал с лошади. Выстрел. Лошадь перевернулась через голову, дико крича. Стрелок в лодке обернулся. Выстрел в упор. Стрела Сашко осталась на луке. В это время ярко горевшая вязанка потухла и одновременно наступила тишина.

Дозорные затаили дыхание. Потом услышали чей-то стон, плеск весел. Через пару минут лодки причалили к берегу. Дружинники бросились к воде. Из одной вытащили раненого. Возбужденные боем, на берег выпрыгнули остальные. Стрелок и Семен подошли к Сашко.

– Ну ты даешь, паря, спасибо. Я такого еще не видал, – поблагодарил стрелок. – Должок за мной.

– Откуда будешь, милай? – добродушно улыбался Семен, на его нагруднике был заметен глубокий след сабли.

– Я Сашко из Пронска. Недавно в дружине.

– Тебе в дружине самое место, если бы не ты, нам сегодня не вернуться. В лагере будешь, к нашему столу прощу, может, и до боя успеешь. Спросишь меня. Запомнил? Семен-заточник, меня все знают. Мы отдельно в лесу с конными стоим. Нас князь Даниил для маленьких дел поставил.

– А ты, Семен-заточник, не из дружины Олега Рязанско-

го? – вступил старшой.

Воин широко и криво усмехнулся, меняя добродушное лицо на подозрительное.

– Дружина Великого князя Рязанского верность хану Мамаю хранит, не слыхал про то?

– Слыхал, да только...

– А раз слыхал, то собирай своих, нам еще с раненым разбираться. Спасибо за помощь, – резко повернулся Семен.

– Во как, – вымолвил старшой. – Ну, поехали что ли?

Вожа. Утро. Лагерь Даниила Пронского в лесу. Небольшая прогалина, на которой стоит человек шесть перед князем Даниилом, среди них Семен-заточник. Даниил сидит на поваленном дереве. Сквозь деревья со всех сторон видны ратники, занятые мелкими делами: кто-то еще лежит – досыпает, кто-то ест, кто-то занимается подгонкой снаряжения, чисткой оружия. Между группой стоящих и Даниилом лежит связанный ордынец.

– Ну и на кой ляд вы его притащили? – спрашивает Даниил одного из группы.

– Так это, думали, пленный для допроса, – воин на полшага подался вперед.

– На кой ляд он мне нужен для допроса? – И к пленному. – Знаешь чего, мордабусурманская? По нашему-то по-

нимаешь?

Пленный, лежа лицом к земле, оскалился, весь напрягся, но, связанный по рукам и ногам, смог перевернуться только набок.

– Не понимает он, князь, – вставил тот же воин.

– Слушай, Юрок, убери его, – брезгливо заметил ему Даниила.

Юрок достал нож из сапога шагнул к ордынцу.

– Ну не здесь, – прикрикнул князь, – оттащите подальше.

Юрок обернулся на стоящих сзади воинов, кивнул головой в сторону пленного. Двое, видимо, из его команды, шагнули вперед и потащили пленного в сторону.

– Говорите, разведчики мои, – облегченно начал Даниил. – Чего видели, чего слышали?

Юрок переглянулся с Семеном, начал первый.

– С моей стороны разведки не было. Мы сами к стану подошли. По всему виду они никуда не собираются.

– По какому виду?

– Шатры раскинули, обоз подошел. Разъезды к Переславлю отправляют, за жратвой, видать.

– Это все мелочи. Ордынцы в один миг уйти могут, пока мы тут с тобой говорим. Что у тебя?

– У меня всю ночь круговерть была, – выступил Семен-заточник. – Разведку гнали вдоль берега. Мы их сшибли несколько раз. Брод они ищут, но мы их так умыли, что вряд ли дальше искали.

– Как вы их умыли, я уже слышал. Ты, Семен, поди, на моего Сашка глаз положил? К себе в Рязань перетянуть хочешь?

Семен ухмыльнулся. Погладил грудь в месте разрубленного нагрудника.

– Ты мне руками не махай, – отреагировал Даниил. – Сколько человек потерял?

– Да ни одного, князь. Спасибо, конечно, хлопчику твоему. Вовремя подошли. Раненый у меня один, да оклемается. Но есть интересные вести, – Семен поправил меч у себя на поясе.

– Семен, ты сам ко мне пошел?

– Сам, князь, ты же знаешь, подмочьмаленько.

– Так что ты себе цену набиваешь как на базаре? Начал – говори.

– Я и говорю, есть интересные вести. Кроме нас сегодня ночью кто-то еще на том берегу работал. Кто – не ведаю, но работали хорошо – тихо и быстро. Человек пять положили, даже нож не звякнул.

– Может, московские?

– Да не. Эти без приказа не сунутся, да и не местные они, чтобы так работать. Опять же лодки нужны. Мы-то заранее припасли.

– Тоже верно.

Заиграл рожок сбора. Все обернулись в сторону поля.

– Ладно, после потолкуем. Если драки не будет, спите и

не высовывайтесь. Коня!

Один из дружинников вывел князю коня к прогалине. Князь легко сел в седло.

– Вестовых слать к московскому князю, – и нырнул в чащу.

В лагере началось оживление. Все бегом заканчивали свои дела, на ходу доедая, допивая. По лесу началось движение конных в сторону боевого расположения для удара. Юрок с Семеном и своими подручными постояли, немного наблюдая, как снуют мимо них всадники, и пошли в свое расположение.

– Семен, – окликнул Юрок, пробираясь сквозь ветки, – кумыса хочешь? Мои сегодня целый бурдюк притащили.

– Нет. Я его не люблю. Молочка бы да борща. А это кочевникам радость. Спать пойду, все равно драки не будет.

– Почто так думаешь?

– Я не думаю, я знаю, – зевнул на ходу.

Ставка Великого князя. Дмитрий Иванович вместе с Даниилом и окольным на холме, рядом дружинники держат наготове коней. Княжеский стяг над шатром. Внизу часть московских пеших ратников выстраивается за рязанским передовым полком. Дружина уже прикрывает шатер. На левом крыле конные части.

За рекой стоят в боевых порядках ордынцы.

На холм въехал вестовой, не слезая с коня, доложил:

– Великий князь, московские полки слева за холмами.

Укрыты надежно. Готовы к бою.

– Скажи, передай, чтобы ждали сигнала. И чтоб ордынцы нисном ни духом. Тихо стоять до поры, – Дмитрий чуть повернул голову к Даниилу. – Как твои? Не вылезут раньше времени без тебя?

– Не вылезут, Великий князь. Мои вообще думают, что сегодня битвы не будет. Дозорные сообщили, что ордынцы всю ночь брод искали. Верст на десять зашли. Сшиблись там с моими маленько, да обратно откатились.

– Так ужокатились? – пробасил окольный.

– А что, боярин, думаешь, вру?

– Да нет, так... Приукрашиваешь.

– Мы, Тимофей Васильевич, лодочки заранее с собой притащили. И дозоры у меня не только на этой, но и на той стороне стоят, чтоб басурмане потемну не сбежали. Мне сегодня даже пленного притащили.

– И где он?

– Да я его того. Что с него толку, самого бы мурзу, тогда поговорить можно.

– А скажи мне, Даниил, – вмешался до того безучастный Дмитрий, – почему тогда ордынцы для боя построились, если атаковать не собираются?

Говорившие враз посмотрели на построение войск на том

берегу.

–А может, они нас дразнят? Хотят, чтобы мы первые ударили.

Среди ордынцев началось движение. Они расступились, пропуская вперед двух всадников, которые что-то тащили за собой на веревках, но, присмотревшись, можно было увидеть, что это на арканах ведут двух молодых девок, захваченных где-то в полон.

Девки были в белых до земли рубахах, лица испачканы, зареваны, но что характерно – обе были красавицы, как на подбор. Ордынцы подтащили их прямо к воде и остановились. Один из них склонился и ударил свою пленницу по лицу тыльной стороной ладони – она упала к ногам лошади, закрыла лицо руками. Ордынец, улыбаясь, распрямился.

– Рус, долго стоять будешь? Смотри, какие красавицы у нас. Ублажать будут. Детей рожать будут, а ты стоять и смотреть, да? – и он засмеялся.

Ставка Великого князя. Все те же.

– Даниил, давай к своим. Держи там парней, особо, кто помоложе. Тимофей, ты тоже давай к войску.

Расположение войск Даниила Пронского. Лес у самой реки. В зарослях прячется Сашко, рядом еще два дружинника. Пешие. Отчетливо видно пленных девок и ордынцев на той стороне. Сашко порывается прицелиться в одного из всадников. Рядом один из дружинников шепчет:

– Сними эту сволочь. Совсем у нехристей совести нет. Руками рвать буду гада.

Сашко натянул тетиву, прищурился. Затаил дыхание, и в это время рука легла на лук.

– Погодь, парень, – Семен-заточник смотрит в направлении выстрела. – В кого целил-то?

– Понятно в кого, в гада этого.

– А ты, значит, хочешь ордынцев разозлить, чтобы эту девку к вечеру на ремни порезали, а нам голову показали?

– Что же делать-то, Семен?

– А ничего пока не делать. Молиться, чтобы живы остались, да выспаться хорошенько. А как стемнеет, ко мне придешь да не забудь ничего. Нам хороший стрелок пригодиться может, – тихо проговорил Семен, не отрывая взгляда от берега. – Вот бисово племя, так бы сейчас башку оторвал – не приделаешь. – И уже веселее. – Ничего, паря, придет наше время. Посмотрим, кто проворнее.

Конным надоело крутиться на берегу на жаре. Они бегом погнались пленниц за лошадьми в лагерь.

Надоело стоять и воинам в строю. Время было обедать. Один выехал к броду и начал вызывать кого-нибудь на бой.

– Эй, урус, выходи драться. Или страшно? Моя сабля твоя голова резать, выходи!

Всадник крутился у воды, остальные ордынцы смеялись. Он временами похлопывал лошадь околохвоста и кричал.

– Здесь ходить будешь, рус, мою коня нюхать будешь!

Тогда из первого ряда лучников отделился тот самый, который вчера снял одного ордынца, подъехавшего слишком быстро. Он размерено шел к реке, держа лук в левой, а стрелу в правой руке.

Ордынец сначала продолжал выкрикивать и кривляться, а потом замер, глядя на лучника. Расстояние между ними заметно сократилось. Всадник засмотрелся, сделал неосторожное движение и уронил какую-то тряпицу. Он начал ее доставать, но с коня не получилось. Он нагнулся еще ниже, не спуская глаз с приближающегося стрелка.

Тогда лучник побежал к реке, на ходу вкладывая стрелу в лук. Ордынец замешкался от неожиданности и свалился с коня. Быстро вскочил, издав протяжный крик, которым испугал животное, рванувшее во весь опор. После чего ордынец побежал за конем, оглядываясь на лучника, который остановился и поднял лук, целясь в его сторону.

Русское войско, наблюдая этот нелепый поединок, показывалось со смеху. Ордынцы наоборот стали злиться. Но к реке никто не подъехал.

Ставка Великого князя. Солнце катится к зениту. Войска продолжают стоять друг против друга в боевой готовности. На холм заезжает Даниил. Окольный и еще несколько тысяцких от московских полков около Дмитрия. Даниил спрыгивает с коня. Подходит ко всем. Дмитрий оборачивается к нему.

– Князь Даниил, скажи, что делать? Долго ли нам стоять? – обратился Великий князь.

– Что же, кроме меня здесь совет дать некому?

– Да всех уже послушали.

Даниил глянул в сторону брода, повернулся к стоявшим.

– Что, тут скажешь, – начал, – стоять срамно. На девок наших пленных смотреть, ждать, когда их поганить перед нами начнут. Предлагаю ночью небольшими силами перейти реку и вдарить им в тыл, а потом в лоб навалиться. А там, может, и Олег Иванович выйдет. Тогда не уйдут.

– Так-то так, – закрестился невзрачный, но богато одетый не то боярин, не то купец. – Войска ведь разделим, да и куда пешим на конных?

Даниил презрительно глянул на незнакомого человека. Дмитрий едва улыбнулся, обвел всех взглядом.

– Наконец-то все высказались. Скажу и я. На девок смотреть плохо, но и жен своих без защиты оставить не резон: реку переходить – смерть. Но и Бегича нам выпускать нельзя. Торговые люди! – он посмотрел на невзрачного человека,

представляя его тем, кто не знал. Сделал акцент. – Верные люди! Говорят, что Мамай набирает уже не только кочевые племена, а ведет набор генуэзских наемников, деньги получает от Ганзы и других торговых союзов Европы, одобрения Папы, если у него и нет, то у генуэзских купцов есть. Люди к нему идут со всего света! На юге собирается железная колонна, и идти ей только к нам. На юг с такими войсками не ходят, на запад они пойти не могут. Остаемся мы. Если отпустим Бегича, то через год-другой он все равно к нам вернется. И будет у Мамаю еще одно войско. Поэтому, други мои, все осложнилось. Скажи ты, Тимофей.

Окольничий чуть кашлянул.

– Резона долга стоять нет, но выгоды у нас больше, чем у ордынцев. Припасы нам с Коломны везут. С Олегом мы договариваемся, склоняем его за нас в полную силу встать. У ордынцев трава под ногами кончиться – и жрать нечего будет. Бежать с обозом не с руки, а с пустыми руками к Мамаю не вернешься. Рязанцы их на прокорм ставить не разбегутся. Поэтому надо Бегича к нам, на эту сторону заманивать. Я бы даже войска отвел. Пусть переправится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.